

Весельи

мисток

No. 1 (4)

1947

издан на правах рукописи,
в количестве трехсот экземпляров.

Веселый листок

№ 1 (4)

1947 год.

Шлейсхейм - Мюнхен

ВМЕСТО ПЕРЕДОВОЙ:

Как вы, наверно, догадались: мы долго молчали, ибо нам, просто таки до безумия, хотелось издать журнальчик на уровне техники нашего очаровательного века, т.е. типографским способом. Так сказать, выпустить номерок и присовокупить горделиво: "Мы сами с усами!"

Но, вот, усы то у нас завелись и успели даже сединой покрыться, а напечатать по-человечески журнал - не удалось. И неудалось, ибо мы, честно сказать, черезчур уж многого захотели, и сунулись, так сказать, с калашным рылом в суконый ряд.

Как выяснилось, весь, ну просто начисто весь русский шрифт нашей зоны - занят под набор таких величайших памятников русской письменности, что нам даже стало совестно претендовать хотя бы на одну какую-нибудь завалящуюся букву из этого шрифта, вроде "ижицы" или "зтити".

Все русские печатные дворы, подворья и подполья, от зари до ночи, и даже все ночи напролет, заняты напряженным печатанием:

сорок седьмого и сорок восьмого выпуска сыщцкого романа "Нож в бок или тайна семерки пик", многотомного научного труда проф. Мурика-Завалдайского "История буквы ять, в свете учения о Карме", стихов поэтессы Агнесы Синеюкой "Блуд и Бред", толстого альманаха "С бору да сосенки", "Пещеры Лейхтвейса", ежедневной газеты "И шило бреет", и т.п. духовных сочинений.

Считал появление вышеозначенных памятников печатного слова - величайшим культурным праздником в жизни русской эмиграции, говорящим о ее мощном духовном росте, а также свидетельствующем перед всем миром, что только мы являемся подлинными хранителями великих заветов русской литературы, - мы, благоговеино поклонившись, тихонько ретировались с печатных подворий, пока нас не огрели по шее какой-нибудь "верстаткой" или "шпонкой".

Мы отказались от своих нескромных вожделений на наборные кассы и линотины. Мы вернулись к своему старенькому дребезжающему ротатору, выходим на самых скромных правах рукописи, трех сотнях оттисков для старых друзей. Возможно, что следующий номер мы выпустим только в двух экземплярах, переписанных от руки карандашом, но и последнее обстоятельство не заставит нас роптать на судьбу. И тут надо честно сказать: мы твердокаменные оптимисты, мы верим, что "Веселый Листок" и в двух рукописных списках сможет приносить пользу русской эмиграции.

Ө

По части же наших убеждений, то они, как это не удивительно в наше время, - остаются прежними.

Мы полагаем, как и полагали прежде: что основным пороком, порождающим все несчастья нашего темного века - является то, что человек возомнил о себе Бог знает что. Амплитуда этого "Бог знает что" - колеблется от нестерпимой наглости до полного клинического самообожествления. Земля наполнена страшными психопатами, которые мнят себя всезнающими и всемогущими. От этой бескрайней самоуверенности - уже стало удушливо попахивать чем-то сатанинским.

Во всей мерзости, которая может быть найдена в среде русских эмигрантов, мы всегда обнаруживаем эту злокачественную переоценку своей личности.

Возьмем к примеру самую простую повседневность наших лагерей.

Доверчивые простаки-беженцы выбирают человека начальником, в каком-нибудь убогом и грязеньком лагерьку...и он, тотчас-же, начинает корчить некую пародию на абсолютного монарха, создавая свой "двор", свою "партию", "приближенных" и "фаворитов".

По недосмотру, кто-то назначит темного человечка кормить нищих беженцев, а темный человечек возомнит себе, что с этой минуты ему многое дозволено, а следовательно, дозволено и красть напропалую.

Человечек вотрется в канцелярию и возомнит, что отныне он может безнаказанно мытарить и помыкать остальными беженцами.

Невежественный и тупой человечек накупит где-то из под полы краденного типографского шрифта...и возомнит себя не только русским издателем, но и каким-то еще духовным вождем эмиграции.

Мелкие людишки, в чьих руках случайно и временно оказались судьбы истерзанных многолетним горем и голодом русских эмигрантов...мнят себя Зевесами, могущими заставить беженцев дено и ношно трепетать.

Какой-нибудь разбойник с большой дороги...вообразит себя "коммерсантом" и начнет сдирать по семь шкур со своих соседей.

Круглый дурак, которому кто-то по ошибке прицепил лычку лагерного полицейского...вообразит, что отныне он министр внутренних дел не то лагеря, не то, может быть, и всей эмиграции.

И т.д., и т.п.

Так вот, наша программа: бить незримой дубиной всех, возомнивших о себе невесть что, и бить до тех пор, пока они не очухаются, не придут в себя и не обратятся к тому единственному, что может сейчас спасти мир от гибели: покаянию и смирению.

Ибо сатира всегда имела своим девизом апостольские слова:

"Если не покаетесь, то все так погибнете!"

€

И вам, остающиеся в сих мрачных краях, и вам, отбывающие в страны полные всяческих прелестей, - мы говорим:

Русские эмигранты! Куда бы вас не забросила судьба - знайте, что "Веселый Листок" будет бессленно стоять на страже вашего человеческого достоинства, и бить всех, кто посмеет посягнуть на вас и загрязнить вашу жизнь. В этом отношении мы тоже являемся неким весьма маленьким комитетом, а именно: "Комитетом по защите человеческого достоинства русской эмиграции от подлецов и паразитов".

Везде, где бы вас не скружило зло и мерзости, - пишите нам.

Мы немедленно придем на помощь вам всем арсеналом нашего сатирического оружия.

Оно не так увесисто, как оглобля Баськи Буслаева,

но, все-же, может кое-кому вправить мозги.

Наш адрес отныне таков:

SCHRIFTFÜHRUNG "WESSELIV LISSTOK"
DEUTSCHLAND: U.S.A. ZONE, 138. SCHLEISSHEIM. (BAVERN)
POSTSCHLIESSFACH № 12.

М. Е. САЛТЫКОВ - ЩЕДРИН О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ РУССКОГО ДИ-ПИ.

"Бывают совершенно безумные условия, при которых жизнь складывается тревожно, тоскливо, унизительно, — такие условия, когда человек, под гнетом смутного ожидания чего-то непредвиденного, приходит к сознанию что существование его не имеет ничего ясного, определенного, что оно только терпимо, но и то лишь под условием беспрерывных, немотивированных оглядок".

⊖
"Это просто бесшумное стадо, пасущееся среди всевозможных недоразумений и недомыслий".

⊖
"Точно передо мной прошел ряд швабр, которыми уж так давно трут полы, что они утратили даже характер швабр и получили форму тощих и совершенно нецелесообразных мочалок".

⊖
"Это — круговая порука апатии и лени, в результате которой не может быть ничего иного, кроме мерзости и запустения".

⊖
"Никаким другим цивилизирующим орудием они не обладали, кроме сухих, мускулистых и чрезвычайно цепких рук, которыми они по временам как будто загребали".

⊖
"Он ходит — брешет, ест — брешет. И знает это, и нимало ему не стыдно. Что тут есть брех — это несомненно. Но дело в том, что вас настигает не одиночный какой-нибудь брех, а целая совокупность брехов. И вдруг вам об'является, что эта-то совокупность именно и составляет общественное мнение".

⊖
"Над всеми ими парит одно: моя всегдашняя непоколебимая готовность следовать указанию всякого одаренного способностью указывать перста, хотя бы этот перст был и запачкан".

⊖
"Надул, сосводничал, получил грош, из одного копейку пропил, другую спрятал — в этом весь интерес настоящего. Когда грошей накопиться достаточно, можно будет задрать ноги на стол и начать пить без просыпу: в этом весь идеал будущего. И с таким-то запасом, с такими-то идеалами Митрофан собирается в дальний путь и надеется сказать свое новое слово!"

⊖
"Изба моя с краю, ничего не знаю" — вот девиз каждого Молчалина. И чем ярче горит этот девиз на лбу его, тем прочнее и защищеннее делается его существование. С этим девизом он благополучно проползет между всевозможными Сциллами и Харибдами, и в урочный час, не раньше и не позже, придет к вожделенной пристани. — Кто идет? кликнет его у пристани дозорщик. — "Я, Молчалин!" будет ответ. — Вали его в общую яму!"

⊖
"Чего хотели упомянутые выше люди? — этот вопрос разрешается одним словом: Жрать!!

Жрать что бы то ни было, ценою чего бы то ни было!"

КАЮЩИЙСЯ ЛИТЕРАТОР

ИЛИ

И С П О В Е Д Ь

Анисия . Оглобли.

Нет...Прочь, прочь всякую желчь, сарказмы и насмешки!

Правы, биллионы раз правы те деятели лагерных кухонь, складов и госпиталей, которые упрекали меня в том, что мои писания полны желчности и прочих жестокостей!

Сатира, памфлет и всякие хихикающие насмешки — никому ненужны и ведут литератора к потере в живом весе и преждевременной старости.

Я долго молчал, ибо мучился угрызениями совести. Я наложил на себя строгую эпитимию за грехи, допущенные в предыдущих номерах сего убогого журнальчика. Грешен, стыжусь и отрекаюсь!

Отныне я возглашаю: "Долой сарказмы, насмешки, стрелы и колючки! Ничего острого и царапающего! Всё должно быть уютно, умиленно и безобидно! Да воцарится тихий и щекоцущий мир на страницах моих писаний!"

Я даже требовал сменить бесславное имя нашего журнала на другое, более созвучное новому направлению и тихой умиротворенности, которая воцарилась в моей душе.

Так тихо, так радостно и спокойно мне стало, когда я поборол в себе гражданскую желчь. Ну, просто, вот хочется сесть у окошечка, нюхать какой-нибудь скороспелый цветочек и тихонько напевать себе, что-нибудь вроде: "Травка зеленеет, солнышко блестит!..."

Так вот, я даже стал придумывать другое название для нашего журнальчика. Мне так хотелось назвать его: "Р о з о й б е з ш и - п о в", ибо это точно, ибо это восхитительно даже передает мое идейное направление. А новая идея моя: Никого (не дай, Бог!) не оцарапать! Всем понравится, всех привести в умиленное состояние.

Но, мои жестокосердные коллеги не согласились. Они даже пытались меня оскорбить неумным смехом. Набросились, заорали!...Вы, к счастью, лично не знаете эту жуткую ватагу сотрудников нашего журнала. Все огромные, волосатые, с громадными черными бородами, усищами и носами. Голоса грохочущие, хриплые. Как соберутся вместе, — ну просто иногда кровь стынет от жутки. Как посмотрят на тебя из под мохнатых бровей, как загрохочут, вот-вот, думаешь, — возьмут и прирежут. Им что, разбойники, известно...

И так глубоко охватило меня это примирение с миром и неизбежным злом, словно прозрел я и почувствовал, что внутри у меня завелась какая-то милая птичка. Она не кричит, она не каркает, а тихо и радостно пиликает... (Кстати, мои последующие предложения: дать журналу имя "Пеночка", "Канареечка" или даже "Чижик", — тоже были отвергнуты этими головорезами). И так легко, легко в груди! И нет более на языке слов грубых и соленых, а сладкие уменьшительные и ласкательные тихо щекоцут его. Так хочется подойти к какому-нибудь начальству и поплакать умиленными слезами на его доброй и умной груди!

И жизнь окружающая предстала совершенно иною перед моим просветленным взором. Раньше всё мне казалось мрачным, как в аду. А теперь, смотрю... всё цветет!...Всюду солнце, торжество ума, доброты и человечности!...И даже немцы приятнее стали. Как только услышат они, что в вагон трамвая сел иностранец — ДИ, так прямо таки все немцы, как один, вскакивая, усаживают его, утирая свои слезы и бормоча: "Посадите, посадите его, бедненького, ведь, мы из него шесть лет кровь пили!"

А сами ДиПи больше не разбегаются как звери по лесам — а с духовыми оркестрами и пением самодельных псалмов шествуют, все до одного, к сходням пароходов. И многие деятели кухни и склада не спят, бедненькие, ночами от мысли: "а будет-ли всем ДиПи утром на завтрак шоколад и бананы с апельсинами?" И, как придет им в голову, что кто-то получит на завтрак вместо пяти плиток шоколада только четыре — так зарыдает добрая душа деятеля котла и сковороды, и уткнется он, бедненький, в подушку, и сигара ему даже на ум не идет!

А как кормить-то стали наши-братья-повара! Ну, просто, один плавающий жир, да и только! А тех, кто покусится хоть на одну калорию беженского пайка — сами заведующие кухнями и складами линчуют.

И нами избранных начальников беженских лагерей — мы увидели в новом свете. И такие они добрые, честные и ревностные, что хочется мне, до зуда в икрах хочется, — упасть пред ними на колени и шепнуть: "И шипа-то из ботинок Ваших, недостоин я вытянуть зубами, Ваше Высочкоблагородие!"

А уж о простых соотечественниках-беженцах, не удостоенных ли дополнительным пайком из овсянки, ни любовью жен комендантов барачков, нечего и говорить. Они предстали передо мною теперь в таком благоприятном и розово-голубом освещении, что как заслышу их милые русские голоса, — так прямо таки хочется плакать и вить от радости всякие венки, под звуки песни о Стенке Разине или морфессиевского "Чубчика"!

Да пребудет мир в сердцах и тихое чириканье кругом!

+ + +

Т о г о - ж е А н и с и я О г л о б л и

О П Ы Т

п о д н а з в а н и е м:

" В С Е У М Я Г Ч Е Н И Е "

И во имя искупления моих прошлых грехов, решил я предпринять ныне что-нибудь доброе-предоброе, полезное и приятное беженцу, как день выдачи сухого пайка.

И так сильно было во мне желание: вместо обидного смеха и всяких колкостей, доставить милейшим соотечественникам Радость и Удовольствие, что я прямо таки заболел. И на этой почве у меня даже разрослась какая-то "идея-фикус": найти этакое моральное перпетум-мобиле или какой-нибудь элексир счастливой жизни, умеренно употребляя который, каждый смог бы вызвать у себя и у других розовое умиротворение. Некое общедоступное средство, которое могло бы легко и, так сказать, пбходя, приносить каждому и всем радость и добро в жизни.

А как и до чего-же мне хотелось, дражайшие соотечественники, вам с приятностью помочь!

И, представьте себе, — я всетаки нашел этот элексир счастливой жизни.

Бродя как-то в поле, в поисках с'едобной травы на ужин; растроганно прислушиваясь к чириканью кузнечиков, я воскликнул: "Эврика!" и зарыдал от радости.

Теперь модно все открытия и новшества называть словами, кончающимися либо на "изм", либо на "ин". Но я, как русский человек, сторонюсь этих увлечений иностранными, неизвестно чем пахнущими словами.

Я назвал свое средство или метод: ВСЕУМЯГЧЕНИЕМ.
(Есть уже средства: "Всё клею!", "Всё чищу!", ну, а мое можно считать за "Всё умягчаю!")

Да, это воистину - ключ ко всем радостям и успехам! - воскликнул я в пустом поле, и даже не замечал жары и укусов насекомых.

Сумей умягчить сильных мира сего - и ты будешь счастлив.

Сумей умягчить сердце непосредственного начальства - и ты получишь повышение и прибавку в кормах.

Сумей умягчить сердце женщины. - и она станет твоей.

Сумей умягчить сердце ближнего - и он станет твоим другом.

Я понял, что люди злы и делают пакости другим, ибо не знают путей к умилению себя и других.

Я вспомнил что многие из вас, вот-вот, начнут пробиваться в люди, если не в лагерях, то за их стенами, или, чего доброго, должны будут начинать карьеру за океанами, и решил самым срочным образом раздать вам немного добрых советов, почерпнутых из моей Системы Всеумягчения.

На какой закуток бытия вы не обратите своего почтенного внимания, везде вы обнаружите: что человек нуждается в некоей незримой мази для умягчения душ и сердец других людей.

Вот, занесена над вами жесткая, карающая рука власти имущего, но вы, осторожно и почитательно, умягчили ее... и она опустится не разящим ударом, а покровительственным похлопыванием по вашему плечу.

Сильный завоевывает себе счастье, к сожалению, силой; умный - умом; богатый - богатством; красивый - своей милovidностью. А чем завоюем его мы, простые и невзрачные? - Всеумягчением!

Итак, довольно вводящих и наводящих словес. Возьмем быка за хвост!... Вот, опять согрешил и допустил грубое слово!... А, ведь, мне уже давно стало ведомо, что писатель должен не громыхать, не разить, не витийствовать - а приятно чирикать. Чем благообразнее он чирикает - тем лучше и для него, и для потомства.

Моя система Всеумягчения распадается на несколько частей, охватывающих все стороны человеческой жизни, где неслышанно остра нужда в смягчающем души средстве. Я намерен, рано или поздно, опубликовать ее целиком, а пока я хочу поделиться с вами только теми способами Всеумягчения, кои вы сможете немедленно использовать в лагерях для соискания себе более сносной жизни, чутко применяя их и прилаживая к своему лагерному начальству. (Да, пожалуй, их бесполезно будет вам захватить с собою и в страны заморские)

ПРАВИЛО ПЕРВЕЙШЕЕ:

У л ы б а й т е с ь, везде, всегда и где только можно!

Пусть это получается у вас даже несколько механично и стереотипно, как у старой балерины, - но все-же улыбайтесь. В особенности улыбайтесь м я г к о, в к р а д ч и в о и п р и в е т л и в о начальству.

Начальство сначала подумает: "Да, это - какой-то дурак! Ему только палец покажи, а он уже хихикает!"

Но потом, обязательно, добавит: "Но, ничего, милый и верный дурак..." Ибо ничего так не любит начальство среди подчиненных, как верных и милых дурачков. Не гордитесь и не пугайтесь. Будь вы семь пядей во лбу - не стыдитесь прикидываться "милым дурачком", коли это вам очень выгодно для успеха по службе.

А если вы не улыбаетесь и корчите из себя серьезного человека, да еще, быть может, зачастую мрачны на физиономию, - тут вам и конец!

"Э, да это какой-то "умник", ишь рожи какие кислые корчит!" - скажет начальство. И вытурит вас, всенепременно вытурит, при первом же случае.

Улыбка она, при хорошей тренировке, ничего вам не будет стоить, а средство она - первое в системе Всеумягчения!

МОЖНО ЛИ ПОСТУПЬЮ УМЯГЧАТЬ СЕРДЦА И ДУШИ ДРУГИХ?

На такой вопрос, быть может, вы просто разразитесь грубым смехом. И подобный смех ясно покажет, что вы неопытный человек. А между тем, ваша житейская необходимость передвигаться, ходить, ваша походка - весьма важное оружие в деле всеумягчения вышестоящих. Да-с, и рекомендуем вам воздержаться от смеха и прислушаться к моим словам. Даже непросвещенному в этих делах уму должно быть ясно как апельсин, что существует разница в том, как человек шагает, чтобы выбросить бумажки в мусорный ящик, и как ведут себя те-же самые его собственные ноги, когда он приближается к начальнику лагеря, чтобы попросить его о переводе из общей камеры в одиночку на двоих. Вот способность то наших оконечностей к этой "разнице" - и есть один из немаловажных рычагов машины нашего успеха в жизни.

Представьте себе служащего, который проходит мимо начальства, громко и индифферентно стуча ножищами; и такого, который пройдет, благозвучно скользя подошвами и почтительно замедлив свою поступь; и ответьте: у кого из двух есть больше шансов всеумягчить к себе начальство?

Только сумея быстро и безотказно переключать вашу походку на скорости, наполненные вкрадчивостью и почтительностью, - вы можете преуспеть в жизни.

Всеумягчить начальство может только п о с т у п ь д е л и к а н а я, б е с ш у м н а я, с к о л ь з я щ а я; каждый ваш шаг к начальству должен быть таков, словно носок вашего ботинка почтительно спрашивает начальство: "разрешите-с, если вас не обеспокоит и не затрудит-с, шагнуть мне дальше?"... Каждый суставец ваших пальцев на ношке должен быть преисполнен подобострастия и почтительности.

К начальству иногда надо вкрадчиво приближаться, стеснив дыхание; а иногда подлетать, этаким расторопным и быстроногим ветерком!

Чтобы добиться этого, нужны упражнения и упражнения. Ваши конечности должны быть максимально гибки и эластичны, как резина довоенного качества. Для этого надо каждое утро, встав от сна, натошак, не поднимаясь с кровати, вращать во все стороны голеностопный сустав, покручивать и помахивать пальцами на ногах, не обращая внимание на боль и неудовольствие жены или сожителей. Затем, забравшись в лесок, или вышед на улицу, когда стемнеет - пробовать на все лады свою поступь. То мелкими шажками разбежаться и, вдруг, почтительно замереть, как вкопанному; то медленно, как бы в некоем служебном танго, приближаться к намеченной цели, грациозно вытягивая носок ботинка; или стараться так пройти, чтобы и шелеста не было слышно! Не беда, если вы кого-нибудь напугаете или сильно поразите, кто заметит ваши манипуляции. Что вам мнение толпы, когда вы готовитесь завоевывать души и сердца сильных лагеря (или мира) сего?

Г и б к о с т ь, ш у р ш а н и е, маслянную вкрадчивость в походке, - вот что ценит любой начальник в любом учреждении на сей земле.

О СЛОВАХ БАЛЬЗАМУ ПОДОБНЫХ.

Нет ничего величественнее, сильнее и прекраснее, чем человеческая речь. Она - всё, всё может, всё преодолевает и всех побеждает.

Речь и голос - великие вещи в деле Всеумягчения. Пророки усмиряли словесами лютых зверей. Голос Орфея повелевал и тварями и неодушевленными вещами. Его пение и музыка проникали даже до сердца холодных камней, и они слезились и двигались.

Слово в устах подчиненного, алчущего успеха и всеумягчения начальства в свою пользу - это сложнейшая Музыка, имеющая свой контрапункт, гармонию и ритмику.

Голоса хриплые, грубые и с фистулой - редко принадлежат служащим, успешно продвигающимся вверх по служебной лестнице. Начальство, как правило, любит этакое, нечто малиновое, приятно журчащее в устах своих подчиненных. Надо быть Сиреной, чарующей пленительной вкрадчивостью своего голоса. Ушных раковин начальства должно касаться нечто такое, в каждой волне звука коего чувствовался один и тот же лейтмотив: "Преклоняюсь!...Осмелюсь?...Не беспокою-ли я Вас-с?"...

Не кричите начальству, не скулите ему, не басите и не гудите - а пойте! Легко и благозвучно, как псалом Давида.

Велик и благозвучен словарь умягчающий души, и, быть может, его бы пора уже издать вместо "Сонников". Ибо, сон что, - проснулся и всё. И толковать тут не о чем до вечера. А начальство - это долгая явь.

Но некоторые золотые словосочетания все-же стоит упомянуть. И именно те, которые чрез уши входят в душу начальства и смазывают ее бальзамом.

Никогда не обращайтесь к коменданту барака просто так: "Разрешите вас спросить?...", а неизменно так: "Многоуважаемый ...ан ...аныч! Простите за то, что я осмеливаюсь Вас спросить о нижеследующем..."

Начальника лагеря или кухни нельзя приветствовать простым "добрым утром!", но надлежит разыграть языком и голосовыми связками нечто мелодичное, как утренняя песня пастушьего рожка: "Честь и счастье имею приветствовать Вас, всеми уважаемый ...жей ...жейц! Доброго утречка Вам-с и доброго здоровьичка Вам-с! Прекрасно и отменно свежо выглядите сегодня-с, ну просто юншей, да и всё! Доброго аппетита Вам и Вашей уважаемой супруге за завтраком...Ах, какое чудесное утречко! Небо, ну прямо, как глазки у Ваших уважаемых ангелочков-детей!..."

И всякую просьбу к начальству надо начинать с небольшой, но классической увертюры, а именно-с: "Заранее прошу великодушно простить меня за то, что я утруждаю Вас и отнимаю Ваше драгоценное время...Если Вы разрешите, то я бы осмелился, разумеется, если у Вас есть время и желание...Ах, простите, быть может, мне в другой раз попытаться Вас побеспокоить?..."

Никогда, нигде и ни при каких обстоятельствах не говорите лицу, от коего зависит вам что-то дать или что-то отнять: "Нет" или "Да". Но всегда окружайте эти ответы небольшим флером почтительности и подобострастности: "Разумеется, мое мнение в данном вопросе - просто жалко и недостойно Вашего слуха и внимания, но, если Вы разрешите, то я бы осмелился сказать - нет, и еще раз попрошу у Вас извинения за это..."

С л о в а м я г к и е, ж у р ч а щ и е, м е л о д и ч н ы е пусть льются из ваших уст и окутывают нежно, обволакивают чуть слышно души ваших начальников и заведующих канализацией и кухнями!

О МЕЛОЧИШКАХ, ЛЬЮЩИХ НЕМАЛУЮ ВОДУ НА МЕЛЬНИЦУ ВСЕУМЯГЧЕНИЯ

Считите себя счастливым и воспойте в радости мудрость бытия - если у вашего начальства имеется кошечка, собачка или какая-нибудь иная Божья тварь для Их-с высокого досуга!

Через этих тварей можно весьма преуспешно действовать на сердца Вышестоящих. Окружайте такую начальственную собачку - обожанием. То погладьте ее, то помогите ей, избалованной, блошку поймать; то принесите ей кусочек, оторванный от пайкового мяска; разок-другой поцелуйте ее в милую морду. Не брезгайте, не брезгайте - сие возрадуются вам сторицею!

Начальство заметит вашу нежность, не знающую преград. И поймет, поймет, оно умное! Поймет, что у вас почитательность и нежное преклонение - не перед Божью тварью, - а перед ними, самими-с. Но только, дескать, душа у вас еще робкая и стыдливая, ей еще конфузно изливать эти отменные чувства непосредственно на самую начальственную личность.

Один мой добрый знакомый, узнав что кошечка супруги начальника изволит быть лакомой до воробышков, - весь свой досуг уделял охоте на ворбьев, которая в большом городе была более затруднительна, чем охота на черную пантеру.

И жертвовал, и томился с тенетами и прочим по паркам и навозным кучам. И сие ему дорго стоило, ибо был он человек молодой, и приходилось начисто отказываться и от свиданий с невестой, и от дружеских пирушек, и завлекательных кино-театров. Но он, стиснув зубы, под гогот скверных мальчишек, накрывал воробушек одеялом и приносил регулярно "десертец" для "Мумсика" начальницы.

Ловил он воробушек, а оказывается - уловил-то сердце начальника. И добился и прибавки, и повышения.

То-то, слушай, да разумеи!

А уж если начальство сподобилось разродиться младенчиком - то, прямо, прыгайте от восторга, словно у вас самого первенец образовался.

Тут - целый Великий и Тихий океан возможностей!

И с здоровьишке начальственного наследника можно справляться при всех встречах, а то и специально заходить к ним-с на дом с той целью. И при всяком случае присовокуплять с серьезной миной: "А у него нечто гениальное уже чувствуется на лбу... А красавец, а глазеночки, как звездочки на небе!... А ручечки, а голос! Весь, весь в вас, вылитая копия!..."

Тут и подарочками можно умягчать сердца начальственных супругов. И, хоть, вы отлично знаете и день и час рождения Их-с карапузика - не стесняйтесь путать, и приносите подарки не два раза в год, а ежемесячно. "Ах, запомятовал! Ах, конфуз то какой!... Ну, защитите авансом ко дню Ангела!..."

Не смущайтесь и не брезгайте. Дите, ведь, оно - Ангел-невинный. Оно прополоскать пеленочку начальственному дитяти - безделица, а всходы может дать по службе зна-а-чи-тель-ные!...

Всё мелочишки, - скажите?... Да, но вот именно на таких-то мелочишках и удачно воздвигается наше счастье, уют, возможность обедать с мясом и лишней капотик жене шить.

Вот, вспоминаю я всех счастливых, виденных мною в жизни, сумевших Всеумягчением шибко продвинуться вверх. Да, как продвинуться! Теперь и рукою до них не достанешь... А, ведь, все они - мелочишками обрабатывали жесткие сердца власть имущих.

Тут уж — запасайтесь вы карандашиками, да тетрадочками, выпи-
сывайте мелочишки из жизни этих тароватых людей, и смело копируйте
их. Что ни пример — то алмаз!

Один завоевал сердце начальника, прямо таки, безделушкой...
Тихо бродил за начальством с шелковой подушечкой. Нежный был, как
девушка. И занимался только одним: с каким-то захлебывающимся вос-
торгом и русалочьим хохотком... всё подкладывал подушечку под зад
начальства, если оно благоизволило где-нибудь присаживаться...

А в итоге то получилось, что подложил он себе самому, на всю
жизнь, мягкую подушку, да какую! Пышную, как перина на купеческой
кровати...

Второй подметил, что толстое и грузное начальство большим
шутником изволило быть. Особенно начальство любило гоготать, когда
наступало на ногу подчиненному. Так, этот молодой чиновник... бегай
и подставлял свою ступню под начальственную подошву. И хохотал вмес-
те с начальством, да как хохотал!, хоть и с трудом преодолевал страш-
ную боль.

Все другие только завидовали ему. Они готовы были подложить
руку, а то и обе под сапог начальству, лишь бы стать фаворитами.

Третий, скромно потупив глаза, сознался директору: что решил
собирать коллекцию автографов великих людей, и просит Их-с сделать
почин. Украсить своей причудливой подписью писаря — первую и почет-
нейшую страницу альбома. "А уж потом пусть подмахивают всякие Энрико
Карузо, да Бернарды Шоу!..."

Оно, конечно, было смело. Но, взяло своей необычностью. Да,
как взяло! Директор с тех пор не мог подписать ни одного указа, не
вызвав к себе своего любимчика-коллекционера.

Четвертый, тратя добрую половину своего жалованья, упорно
брал уроки у спившегося бездарного поэта. Потел и пыхтел над лекциями
по виршеплетству. По ночам орал со сна, но не просто и обычно орал, —
а всё в рифму, вроде:

"Караул! На горе петух!

Левый глаз его потух!"...

Потешались мы над ним, до хрипа в горле смеялись!... А получилось,
что из под низкого смеха — высокие люди выходят. Через год наш вирше-
плет стал заведующим отделением и пошел в гору. А через что? — спро-
сите. — Да, очень просто... Набравшись, как блох, рифм всяких, он стал
засыпать начальство одами и всякими "Оллегиями, навеянными встречей
с Вами".

И доконал, всеумягчил поэзией каменное сердце начальника. Ибо
начальство перед многим может устоять, многое может превозмочь, но,
когда оно каждый день находит на кабинетном столе свитки поэзии, пе-
ревязанные розовыми ленточками, кои начинаются так:

"О, ты, чьим светом я жив!

Ты, кто мысль в главу мою вложил.

Тебе пою, к Тебе взываю!...

От мысли о тебе, я таю, таю..."

То начальство не выдерживает и начинает содрагаться в прочув-
ствованных рыданиях...

Пятый, так тот сделал карьеру, ну, прямо таки, на "фу-фу!"

Он узко специализировался на снятии пушинок и прочих инородных
тел с верхнего платья начальства. Но, как сни-ма-а-ал!...

Этак... неощутимо... ручкой блеснет. И, как корова языком слизнула!

Шестой вошел в фавор тоже безделкой. Мы поняли, что он стал фа-
воритом, когда на банкете директор дал ему (из собственных рук!)
доесть остаток, надкушенного Ими-с, особенного торта, который мог

вкушать только один директор. Боже, как мы завидовали этому сослуживцу! Некоторые даже покинули банкет, не в силах будучи сдерживать слишком громкий скрежет зубов от зависти.

Все мы давно и безуспешно старались чем-нибудь всеумягчить се директора. Кто носил его портрет в медальоне на груди, поближе к сердцу. Кто надеялся добиться внимания путем внеслужебной мойки га лош директора. А один даже, как-то, бросился в ноги директору и молниеносно смахнул пыль с носка левого ботинка. Ничего не помогало!

Степан Степанович Петухов забил нас всех. И чем?...-Особой, в туозной манерой распахивать перед директором двери. От его стилия в этом искусстве, по словам директора. "Пахло приторно, чем-то придворным..."

Петухову это удалось легко. Как потом выяснилось, мастерство распахивания дверей было в его крови наследственным. Его дедушка сорок лет был швейцаром.

Но на последний пример, я особенно хочу обратить внимание тех, кто жаждет совершенствоваться в искусстве Всеумягчения и не знает с чего начать. И обращаю сие внимание, ибо способ этот до простого - прост. Не требует никакой аппаратуры и денежных расходов.

Один мой сослуживец сумел добиться повышения через три чина сразу; совсем чепухой добился: особенной манерой замирать при проходе начальства. Но, как замирать-то!... Станет он, замрет... Не то ослеплым видом проходящего начальства, не то видение чудесное снизошло перед его взором, не то, вот-вот, в колени повалится!...

Этот метод "замирания" - везде будет хорош и полезен для вас. И при проходе коменданта по корридору барака, и при встрече на улице с директором, и в ваших будущих службах, которые вы, вот-вот, начнете подыскивать.

Он сильно действует на психику начальства. В такую минуту, он дает начальству сладкую возможность почувствовать себя Громовержцем, Власть Имущим и Трепет Нагоняющим!...

Итак, - в с е у м я г ч а й т е! Вкладывайте в ваше поведение по отношению Вышестоящих - всю масленность, всю гибкость, весь ваш кау душевный, страсть и рвение - и вы весьма преуспеете в жизни, и не р и не два, вспомните обо мне и мысленно поблагодарите меня за добрые советы.

Полный тишайшей любви к Вам,

Ваш АНИСИЙ ОГЛОБЛЯ.

НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ.

О Б В О Д Н Ы Й К А Н А Л

В моем окне - на весь квартал
Обводный царствует канал.
Ломовики, как падишахи,
Коня запутав медью блях,
Идут, закутаны в рубахи,
С нелепой важностью нерях.

Вокруг пивные стали в ряд,
Ломовики в пивных сидят,
И в окна конских морд собор
Глядит, поставленный в упор.
А там за ним, за морд собором,
Течет толпа на полверсты,
Кричат слепцы блестящим хором,
Стальные вытянув персты.
Маклак штаны на воздух мечет,
Ладонью бьет, поет как кречет,
Маклак - владыка всех штанов,
Ему подвластен ход миров,
Ему подвластно толп движенье.
Толпу томит штанов круженье,
И вот она, забывши честь,
Стоит, не в силах глаз отвести,
Вся - прелесть и изнеможенье!

Кричи, маклак, свисти уродом,
Мечи штаны под облака!
Но перед сомкнутым народом
Иная движется река:
Один - сапог несет на блюде,
Другой - поет собачку-пудель,
А третий, грозен и румян,
В кастрюлю бьет, как в барабан.

И нету сил остаться боле:
Толпа в плену, толпа в неволе,
Толпа лунатиком поет,
Ладони вытянув вперед.

А вокруг - черны заводов замки,
Высок под облаком гудок,
И вот опять идут мустанги
На колоннаде пышных ног.
И воят жалостно телеги,
И плещет взорванная грязь,
И над каналом спят калеки,
К пустым бутылкам прислонясь.

Петрограда. Июль 1925 г.

МНЕ НЕВЕЗЛО, КАК...

Мне не везло, как... Вот в том то и дело, что даже нельзя было подобрать подходящего сравнения, как мне не везло...

Короче говоря, сначала мне не везло так, что я приходил в бешенство; затем мне стало так не везти, что у меня шевелились волосы на голове; а под конец, мое невезение достигло такого разнузданного апогея, что не стало будить во мне ничего, кроме скорбной улыбки.

Возьмем, к примеру, вещь абсолютно ничтожную, вроде ржавых и ветхих гвоздей, которыми сколочены доски заборов... В каких отношениях находится с ними случайный прохожий? - Да, ни в каких, по-советски говоря. И он проходит мимо, не замечая их; да и старые гвозди, меланхолически ржавеющие в источенном дереве, не удосуживают его никаким вниманием.

Так происходит во всех городах, со всеми гвоздями всех заборов и всеми случайными прохожими, но только не со мной... Сначала я подумал, что это мне показалось... Потом приглядедся, и вижу - это действительно так... Старые гвозди, мирно покоившиеся много лет в гнилой доске забора, при моем приближении - быстро и ловко высовывали свое ржавое жало, и так метко, что обязательно цепляли то за мой рукав, то за штанину, вырывали клочок и, скрипнув от удовольствия, снова прятались в гнили серой доски...

С унылостью и настойчивостью дождя поздней осени, на меня вечно что-нибудь падало сверху. Если это был поезд - падал с багажной полки чемодан, причем я мог заключать любое пари: что чемодан этот - был самым тяжелым во всем вагоне. На меня падали кирпичи, бруски, ветви деревьев, мертвые замерзшие на лету птицы. А когда уж было нечему упасть с голого неба, тогда - падал я сам, в неожиданную, словно подброшенную кем-то под мои ноги, - яму.

Утвари, вещей и неодушевленных предметов - я боялся, трепетно и темно, как дикарь боится обрушившейся ночи. Природа вещей ледянно и злобно была враждебна ко мне. Я задевал блюдце, оно падало со стола. Я бросался его ловить, опрокидывая стакан с ложкой. И когда мне удавалось из всего этого схватить на лету рукой ложку, - то на эту самую руку... лилось уже раскаленное кофе из перевернутого кофейника.

А дальше... всё становилось похожим на растущий рев падающей в горах лавины. Опрокидывались стулья, на которых почему-то оказывались бутылки с чернилами. Разбивались головой последние электрические лампы под абажуром. Из зажигалки выскакивали и кремь, и пружина, и бесследно навеки исчезали. В моей комнате всегда царил леденящий дух хаоса, несмотря на мою маниакальную любовь к чистоте и порядку. Ибо это был хаос после битвы вещей со мной, или перед новой схваткой.

Хотя я еще не слеп, но, до утомительности часто, падаю и спотыкаюсь. Доля этих досадных происшествий у меня выше процентов на триста, чем у любого обывателя нашего городка. Ямы, как-то, молниеносно разверзаются под моими ногами. Они похожи на живые, жадные чудовища с разверзтой пастью, которые вдруг из засады кидаются на мои ноги...

Несколько слов о кошках.

Я заметил, что все кошки городка, при моем приближении, всегда сломя голову бросались поперек моей дороги. Сначала меня это оскорбляло, ибо я подумал, что кошка - зверь чуткий, она сразу видит - идет слабый человек, человек беспомощный. Перебегая под самым носом такого человека, она словно хочет дерзко ему бросить: "Не боюсь я

тебя, ибо ты - шляпа!"

Позднее, эта лестная для кошек версия отпала. Просто кошки откуда-то пронюхали, что это весьма плохо для человека, когда ему перебегают дорогу, ну и каждая нарочито напакостит человеку. Я всё это знаю и тем не менее кошки вынуждают во мне не злобу а жалость. Заметив, что та или иная уже готова срезать у меня под носом тротуар, я всегда стараюсь остановить ее от этого безрассудного и опасного поступка, крича: "Дура! Остановись, что ты делаешь? Мне уже нельзя повредить; но что будет с тобой?... Когда кошка перебегает дорогу такому черному неудачнику, как я, то это грозит несчастьем не ему а тебе... Стой! Обожди, пока я пройду..."

И это не был бред труса. Я знал, что те кошки, которых чорт дернул шмыгнуть перед моими ногами, - плохо кончали. Одна через полчаса попала под грузовик; другая, вернувшись домой, обнаружила что всех ее котят продали (теперь котят не топят, а продают на черной бирже); а третью, дуру полосатую, ни с того, ни с сего висекли, да так неудачно, что оборвали хвост.

Но, я жалел не только кошек, а и людей. Ибо множество людей пало жертвой моего злочастного невезения.

Мне становилось до боли в груди жалко тех людей, которых случай обрекал быть моими спутниками. Я подходил к трамвайной остановке. Мне подобало молча стоять, дожидаясь своего номера и возможности галантно пропустить впереди себя дожину дам. А мне не хотелось стоять молча, я жаждал крикнуть толпе незнакомцев: "Умоляю вас: не залазьте в тот вагон, в который полезу я! Не делайте глупости. Клянусь бородой моего деда, вагон, который увезет меня, либо врежется в грузовик, либо грузовик врежется в стекла вагона, либо стекла врежутся в меня и в вас, либо на полдороги кондуктор об'явит: вагон дальше не идет!"; либо перебой тока будет, либо кто-то попадет под вагон, и вы всеравно далеки не уедете. Мне-то ничего, я привык, а вам лучше обождать следующего..."

Когда я становился в очереди за газетой или редкостной рыбой "без карточек", я всегда знал, что и газета и рыба кончатся на том счастливце, в затылок которого я задумчиво уставился. Становится за мной - было бессмысленно. С меня начиналась пустыня. Когда кто-нибудь сзади говорил мне: "Я стою за вами. Я сейчас вернусь..." - мне хотелось ему тихо сказать: "Или становитесь передо мной, или, лучше, не возвращайтесь".

Румяные и торжествующие счастливицы, которые проходили по миру победителями, распевая даже в уборных браваурные марши - связавшись со мной - летели в пропасти и такие провалы, что их оттуда даже извлечь нельзя было.

Если-бы нашелся умный импрессарио, он мог бы на мне зарабатывать огромные деньги. Я бы был клякой в одном лице и бандой гангстеров на двух ногах. У деспотов древности было что-то похожее на то, чем мог бы я оказаться в умелых руках. Деспоты приучали красивейших рабынь: годами принимать во внутрь смертоноснейший яд. Начинали с ничтожнейших долей, и когда изящный организм красавицы привыкал - долю яда увеличивали. Через несколько лет выращивался холячий обольстительный яд, в виде чарующей живой женщины. Ей достаточно было поцеловать того врага, к которому пошлет повелитель, чтобы тот в два счета погиб от яда ее слюны. Это было живое оружие уничтожения...

Таким бы мог быть и я. Меня можно было подбрасывать на премьеры в театры чьих-то врагов-конкурентов, чтобы спектакль сорвался, или сгорел театр, или героиня, ни с того ни с сего, ослепла, не доиграв и первого акта; меня можно было, как троянского коня, послать в гости к врагам,

чтобы я принес в дом лавину несчастий; в чужие фирмы на службу, чтобы они обанкротились. Мой импрессарио загребал бы землечерпательным ковшем деньги. Я бы лично ничего на этом деле не заработал, ибо, ибо деньги заслуженные моим ядовитым трудом оказались бы фальшивыми либо я их потерял бы, не донеся до дому...

А. Соболевский.

+ + +

О Т Ж И В Ш А Я С Т А Р И Н А .

Мы хотим заявить, и с этой целью обмакиваем перо в чернила, что многие русские пословицы и поговорки безнадежно устарели, неприменимы больше в среде русских ДП, и их пора из'ять из употребления. Во всяком случае, с ними надо расстаться, хотя бы до лучших времен.

Но так, как всякая реквизиция у нищих беженцев - акт жестокости, то мы, отнимая у них вредные пословицы, постараемся дать взамен новые, как говорится в наших краях, - дадим им "эрзац".

Читая наши самодельные поговорки, вы уж не ворчите и ведите себя прилично, как ведете на складах одежды, т.е., чтоб вам не всучили - за всё в пояс поклонитесь. Благотворительность, главным образом, на этих поясных движениях и зиждется. Не ворчите на добрых людей, которые собрали вам посылку новых поговорок.

Деды наши говорили: "У кривды - ноги короткие". Ну, разве это не устарело, как какая-то кика, кокошник и ферязь? да, нас и дети теперь точно знают, что у кривды семимильные шаги, а правда черепахой плетется. Ложь со скоростью света лагерь облетит, а правда и в год не доберется до сердец. Кривда под бравурные марши торжественно шествует из страны в страну, а правда тихонько лежит под сукном в канцеляриях.

Мы теперь должны говорить: "Правда пешки бредет а кривду автомобиль несет".

"По одежке встречают - по уму провожают". Ну, эту пословицу можно оосовременить и влить в нее сегодняшнюю правду, а именно: "По одежке встречают, по одежке и провожают".

Была и такая поговорка: "Рыбак рыбака видит издалека". Это - прямо таки курьез для ДП! Все мы знаем, что рыбак не видит рыбака, ибо рыбаки теперь прячутся друг от друга, от всех и полиции в частности, чтобы не узнали: что они ловят, где они ловят, ловят ли они вообще, и сколько наловили в частности. Так, что даже и заменять ее не надо. Конечно, можно вместо поговорки просто добрый совет дать: "Кланяйтесь по-ниже рыбаку - будет иногда чем и поужинать".

Опять таки, наверно еще чиновники Гоголевской России пустили такую поговорочку в ход, как: "Служба - не дружба". Она не то, что устарела, а просто лишнюю грусть наводит, ибо мы начинаем вспоминать что всё больше в мире "служба" нарождается, а дружбу скоро только по литературным памятникам будут изучать. Конечно, если под "дружбой" понимать "всеумягчение начальства", как сказал Анисий Оглобля, то в этом случае нам нужнее иная поговорка, что-нибудь в роде такой: "Дружи с начальством, тогда тебе и служба будет дружбой".

"Даровому коню в зубы не смотрят", говорили в счастливый век чистой и благородной лошадиной силы. Были в древности даже такие случаи, чтобы, ни с того ни с сего, кому-нибудь дарили мерина или жеребца.

беночка. Но, это выглядит неправдоподобно, а для нас и совершенно дико. Иони, конечно, у нас еще не перевелись в лагерях, ибо не успели их с'есть, но их никакой сумасшедший даже не дарит. Потенка даже не подарят, а нароят его прирезать дочке на шубку. Еще и вашего украдут, если там, допустим, на манжет не хватает.

Для нас из лошадиных поговорок была бы более актуальной такая: "Краденному коню в зубы не смотрят - а поскорее его режут".

"Неправедная копейка в прок не пойдет!" - Нет, это - не всерьез! Это уж просто из озорства сочинил какой-нибудь древний сатирик, шут гороховый, чтобы нас посмешить в двадцатом веке.

Или в области древне-русской гастрономии и кулинарии были такие золотые поговорки, как: "Ячная каша сама себя хвалит". До чего прелестно жили наши предки. На ячневую кашу плевали! Эх, бы нам ее, хоть полтарелки на ужин!

А что мы можем с'язвить насчет наших кормов? Только разве и одно сказать: "Суповая вода сама себе любя".

Очень распространена была также поговорка "Пуганная ворона и куста боится". Она ничего теперь не говорит ни уму нашему, ни сердцу. Черезчур надуманная, какая-то. Нет таких вороны, чтобы кустов боялись. А если и есть - то какое нам до них дело. На счет страха насущнее была бы такая поговорочка: "Пуганному беженцу и мышинный писк кажется вызовом на новую комиссию".

Нас всех учили в детстве: "Тише едешь - дальше будешь", а подобное утверждение звучит явно реакционно в наши дни. Могут вас даже обвинить в желании начисто отменить все достижения прогресса, которые главным образом и выражаются в невероятной торопливости. Некоторые передовые народы нашего века, так те прямо заклеили уже все дороги и здания величественными скрижалями: "Жизнь коротка, двигайся быстрее!"

Конечно, им с передовых позиций века виднее коротка их жизнь или нет. Может они, вообще, как бабочки, живут одним днем.

Отчаянные люди пошли теперь!... Меньше, чем шестьсот километров в час их не устраивает. И не боятся, так сказать, материалистический порок сердца нажить?

Вообщем, никакого бессмертия и покоя медлительности нам больше не ждать. Жги бензин и дави на сектор газа! - вот и вся философия нашего века.

Можно даже было бы упростить эту ведущую поговорку века и просто говорить:

"Беги, пока не сдох!"

Ибо если двигатель внутреннего сгорания отменил бессмертие души, тогда всё можно, всё позволено.

Всякое дело с концом хорошо, но это еще не конец.

В следующем номере мы намерены продолжить разбор поговорочного старья и перекройку кое-чего по новой моде.

Филолог Т. Черемушкин.

РАССЕЯННОСТЬ

Раньше рассеянность приписывали только ученым. Чем, дескать, человек ученее — тем рассеяннее.

Считалось, что в мозг человека, вместе с наукой, попадают эти бациллы рассеянности и образуют там какие-то бугорки забывчивости. Вроде, как-бы умственные, такие, мозоли нарастают. И наоборот, у простых людей, кроме трудовых мозолей и горбатости, ничего такого не нарастает, и рассеянность к ним не пристает.

Может быть, насчет всяких там бугорков — и верно. Не спорим. Не будем же у каждого профессора в мозгах ковыряться и всякие там бугорки и курганчики разглядывать, особенно в наше время.

Раньше это было просто с профессорами... жил в городе какой-нибудь один профессор, и все знали, что он профессор, и все знали, что он рассеян. И всё ясно. И теория подтверждалась практикой.

А теперь?... Возьмите, какой-нибудь, западно-украинский лагерь там почти сплошь и непроходимо одни "профессоры", как в русских лагерях, ну почти все — инженеры. Попробуйте эту теорию проверить на практике?

Очень сложно.

И, вообще, теперь насчет всяких профессий мудрено.

Жизнь эмигранта стала замысловатой, так сказать, и у каждого человека породила уйму профессий. Мало ли какая в жизни потребуется. Нужны в Бельгию горняки — пожалуйста!

Горняками хоть пруд — пруди.

Потребуется, скажем, завтра в Аргентину настоящие потомственные хлеборобы — пожалуйста, во всех вы найдете настоящих хлеборобов. Запросит, предположим, Бразилия квалифицированных ловцов обезьян — дадим неограниченное количество! Все мы с детства только подобной ловлей и занимались, уж лучше и опытнее нас — не найти. Всё у нас найдете, и лесорубов, и ледорубов, и специалистов по бананам и вышиванию шелком по тюлю. А инженеров и профессоров, только мигните глазом, — армию целую выставим! Докажем вам, господа заокеанцы, что есть у нас любые специалисты. С документами в руках докажем. Так и будет прямо прописано: "Дано сие Ивану Бондаренко в том, что он четыре года работал принудительно в Германии на сборке бананов и укрощении гиббонов и мандрил". Требуйте только побольше!...

Но, это так, между прочим. Невольное жизненное отступление от темы. Мы взялись опровергнуть старую теорию рассеянности, и по-рассеянности — заговорились о вывозке за океан. Тема эта теперь для всех главная и человек невольно на нее сбивается. Просто этот самый вывоз стал вроде, как навязчивой идеей. Скажешь, допустим, жене: "Маша, сегодня на ужин картошка". А она посмотрит на тебя таким мутным взглядом и спросит: "Саша, а ты знаешь, наверно, на пароход придется взять с собою мешочек картошки. Полмесяца океаном, это тебе не шутка. Я без картошки не могу. Апельсины — апельсинами, а картошка должна быть у нас в каше"...

Вернемся однако к Теории Рассеянности... Да, по старой теории: рассеянность простых людей не касалась, а теперь даже очень касается. И простые люди сейчас своими бугорками рассеянности, пожалуй, и ученых переплюнут. В лагерях это очень даже ярко наблюдается. Особенно перед всякими комиссиями. Как услышит человек о новой комиссии, так и рассеивается... Некоторые даже вовсе из лагерей рассеиваются. Очень богатые данные для изучения предкомиссионной рассеянности дают лагеря

умывальники и прочие места общего пользования. Стены почти сплошь заклеиваются записками с просьбой вернуть з а б ы т о е и в з я т о е по рассеянности. Тот мыло забыл, у того, по рассеянности, вместо бумажника — пояс сперли. Некоторые тут-же, по рассеянности, вывешивают объявления о продаже табака и сала, заканчивающиеся почему-то такой фразой: "там-же даются уроки испанского языка и штопаются носки из шерсти заказчика". Вообще, расклеивается сплошная рассеянность.

Но ярче всего рассеянность, у всех слоев эмиграции, выражается при записи на выезд за океан. Как стихийное и массовое явление: многие, по рассеянности, записываются в трех, пяти и десяти местах. Просто, как говорится, на всех лошадей заезда ставят. Ведь, одна-же из них все-таки должна прийти первой? А некоторые простые люди по три-четыре раза записываются в одном и том же месте. Так сказать, для прочности, чтобы не забыли их впопыхах...

Вот, видите, даже и не заметил, как с'ехал опять на дела выездные. Просто, как лихорадка. Потрясет-потрясет, а потом отпустит...

Наблюдается прямо сознательное и поголовное стремление к рассеянности. Каждый стремится возможно скорее и возможно прочнее из Европы рассеяться... Нет, нет, довольно!...

Итак, старая теория — вполне опровергнута. Рассеянности в наше время подвергнуты все: и ученые, и неучи, и дипи и не-дипи.

Но один вывод из старой теории остается верным: рассеянность всегда порождает неприятность.

Случилась такая неприятность и с моим другом Петей Гвоздковым. Парень по рассеянности чуть уголовным преступником не сделался.

Приходит, как-то, Петя, ранним утречком из умывалки к себе за перегородку (а по дороге он всё думал о бельгийских шахтах и свободной продаже вина для шахтеров) и видит, между прочим, на своей кровати постороннего мужчину. Петя Гвоздков хоть и простой парень, но тертый. И во всяких, так сказать, бомбежках жил, а такой ситуации — не выдержал. Не хватило у парня выдержки.

В разгоряченном мозгу молниеносно созрело решение:

сейчас, тут-же, на собственной лагерной кровати, своими руками задушу их обоих: и наглеца мужчину (сначала!) и неверную жену!

Страшным рывком он сдирает одеяло и... видит перед собой... испуганных и совершенно незнакомых ему супругов.

По рассеянности, Петя зашел в соседний барак.

А.Перцов.

о о о

ЭПИГРАММЫ ПРОКОПИЯ ХЛЕСТКОВА

+ + +

ПОСВЯЩЕНИЕ ЭЛЛИНАМ

Мне бы браду во свояси свою пронести!

Многое может успеть, и в годах, человек при поместье....

*Снова развел бы я щедрой рукою российской

Рысаков быстроногих, девок сенных, и лягавых,

Соки плодов кахетинские, брагу Шампани шипучую.

Кроме поваренных книг, презрел бы печатное слово,

И всякие б глупости бросил: статейки строчить, меморандумы...

Большое потомство составил бы я и помимо супруги...
А то усохну, бессменно четверть столетья прикидываясь
Умным, то филантропом чужих медяков, то привирая
В статейках, в оных всякую тень наводя...
Нет! Одно спасенье России: вернуться к прежнему образу
Я бы браду во свояси свою перевез...
Многое может успеть, и в годах, человек...и т.д.

+ + +

ЭПИГРАММА на Б.П.

Уж полинно: "набрал себе приход":
К скотине - скот - хлестать "рабочий скот".
Боясь, когда-нибудь тебя твоя-ж придворня,
Как главного скота отправит - в живодерню.
И кончится твой путь известны словесами:
"Окружен и растерзан собственными псами"...

+ + +

ВЕЗДЕСУЩИЙ "АБЛОКАТ"

С'ездные речи, монологи,
Благодарения властям,
Уставы бывших сумасшедших,
Стихи над плитами отшедших,
Всё необходимое в дороге
Идущему ко всем чертям,
А равно - едущему в рай.
Трещу, пишу и заседаю
При всех погодах, не смутясь,
Юрист, редактор, вице-князь,
Разнощик - лектор - Услаждатель,
Свищу, кричу, пою и лаю,
Бессменно всюду избираем,
(Сказать по правде, - не пойму:
Зачем, к чему и почему?)
Короче, - представляю
Пуп эмиграции моей
(За исключением "новой")
Её утеха, рупор, клад -
К сему: "Присяжный аблокат".

+ + +

ЭПИГРАММА на В.

Хотя отныне ты историю словес
В толпе Булгаринных собой загадил,
Знай: место для тебя отведено там сзади:
Ты далее ординарных лицемеров не пролез.

+ + +

1. ИЖДИВЕНЕЦ ПО УБЕЖДЕНИЮ.

Вы, конечно, его знаете и по несколько раз в день встречаетесь с ним...

Тип он — прежалкий, и писать о нем даже больно. Но, если бы он был один-одинешенек. Быть может, нам стоило вместо укора — слезу уронить. Но, к сожалению, он не один. Их много. Это целое незримое направление идей, так сказать...

У него самый большой набор посудочки для ношения и хранения всякой еды. Много-много пустых консервных баночек он насобирал подле кухонных отбросов. И больших, и маленьких. И сам, собственноручно, крышечки и замысловатые дужки к ним поприделал. И в его отделении в шкафу — много баночек стоит. И все — чистенькие, и все в порядке и иерархии расположены, и запираются на увесистый замок.

И это пристрастие к посуде и баночкам — понятно, ибо получение пайка, ношение еды с кухни, очереди, карточки — и являются его единственной полезной деятельностью на сей земле.

В дни выдачи мизерного сухого пайка, его вы обнаружите раньше всех поспешающим в очередь. Баночки выложены. Сияют на солнце раннего утра. И много их припасено в руках. На всякий чудесный случай. И сам он сияет, ножками семенит. Ну, как в молодости, чисто на свидание с возлюбленной бежит!

День его — это сплошное, волнительное ожидание часа выдачи пищи.

Чтобы как-нибудь заполнить время от завтрака до обеда, он перебирает и переставляет в шкафу баночки с раздавленным овсом и желтым песком, неизвестно почему названным сухим молоком. Он всё время что-то пересыпает в баночки в тиши своего угла. Мастерит крышечки и завязки.

Он ещё не так стар, и мог бы давно найти службу вне лагеря. Быть может, даже и зажить по-человечески. Но, ему такая мысль даже в голову не взбредет. Как можно бросить лагерь, когда здесь бесплатно, совершенно безвозмездно дают и суп, и хлеб, и одежку?

И хоть цена тому, что здесь дают ему безвозмездно — всего на всего несколько грошей, — он никуда и никогда отсюда не уйдет, пока его не выбросит время и судьба.

Почти таким-же мы его знали и в Праге, и в Салонниках, и в Белграде.

С первых дней нашего исхода, завидя первую консервную банку, (заграничную! красивую!), выданную ему как русскому беженцу совершенно бесплатно, — он полюбил ее всей душой. Во всех городах мы ви-

деги его во всех благотворительных обществах. Везде, где что-нибудь дают бесплатно. В очередях за пособием.

Уже двадцать семь лет прошло с тех пор, как он почувствовал себя жертвой, которую должны жалеть, кормить и оделять. Много лет прошло, а с ними ушли силы, смелые мечты. Всё ушло в очередях, в составлении бесчисленных прошений, ходатайств и жалоб...

Осталась от всего — одна мечта: "а, вдруг, завтра выдадут по целой консервной баночке!...", да еще ледяной страх в ночи:

"А, вдруг, выгонят!..."

2. ЧЕЛОВЕК С БУМАЖЕЧКОЙ.

Как вам сказать, что это за человек?...

Внеше он даже выглядит вполне нормально и вполне благочинно. И лицо у него румяное и упитанное, свидетельствующее о спокойной жизни и удовлетворении внутреннем. И седина на голове расположена до приятности благообразно. Вобщем — человек неброский в глаза, но и не отталкивающий своей, так сказать, внешней оболочкой.

Мы не знаем: кем этот человек считает себя, оставаясь с глазу на глаз со своей совестью или со своей женой. Может быть, он даже считает себя полезнейшим и честнейшим человеком на свете; а супруга его, нет-нет, вздохнет и молвит ему: "Праведник ты, Тимошенька! Ей-ей праведник!"

Нас интересует: кем он является об'ективно?

Природа обделила его особенными качествами. Героя из него не получилось, ибо он — труслив. Талантов тоже не досталось на его долю никаких. Правда, альтик небольшой есть, любит тихонько помурлыкать, что-нибудь вроде "Ваш уголок я убрала цветами", — но, ведь, это что? Это — всё для глубоко домашнего обихода. Подвигов и добрых дел, совершенных во имя ближнего — в его послужном списке не числится. Ни чина, ни больших денег тоже, как не старался, не урвал от бытия.

Вообщем, это — нечто серенькое.

Но, чем ничтожнее человечек, тем сильнее в нем горит страстишка: повластвовать над другим, помытарить, попортить кровь и нервы другим, более удачливым. "Ах, вам повезло в жизни? Ах, вы с талантами? А я, вот, возьму и тяпну вас пребольно зубами за лодыжечку!...", "Улыбаетесь, довольны жизнью? Денежки у вас завелись? А я, вот, вам сейчас так кровушку испорчу, что побелеете!"

Это — месть неудачника, с мелкой душенкой.

И он нашел оружие, которым ему удастся и властвовать над людьми, и "тяпать их за лодыжечку". Оружие это — бумажечка. Казенная бумажечка с печатью или без оной, с резолюцией или без таковой.

И этой жалкой бумажечкой он извлекает премного наслаждений для себя.

Как паучек, сидит он в уголку лагерной канцелярии и ждет, пока кто-нибудь попадется в его паутинку.

Вот, радостная вбежит, какая-нибудь удачница с бумажечкой, на которую ей удалось выклянчить резолюцию, сулящую нечто приятное: паек-ли, платье, или какое-либо иное беженское счастье. Протянет она человечку в уголку для формальности бумажечку, и стоит перед столом, вся в мечтах: не то паек уже кушает, не то платье примеряет, не то видит себя в новой комнате...

А паучек, медленно-премедленно, рассмотрит бумажечку, и задрожат

паутинки. "Ничего у вас не выйдет... Еще одна подпись нужна..." И у счастливицы сразу и краска в лице повянет, и в глазах мечты поблекнут... "То есть, как еще одна?... Да, ведь, он сказал, что я могу идти на склад... Да, ведь, мне сказали, что этого совершенно достаточно..." - "Ничего не могу сделать..."

И побредет, растерянная и ставшая жалкой, от столика паучка. А он в след ей посмотрит и глаза у него так затлеют, словно он с удовольствием ручки потирает, да говорит: "А, что, миленькая, радость то я вам загадил, хе-хе!"

После нескольких дней ловли по лагерю и канцелярии какого-нибудь заведующего "офисом", придет она опять к паучку, с второй резолюцией, похудевшая, но уже снова с мечтаниями и предвкушениями совсем близкой радости. Может быть, даже прикидывает: сколько минут ходу до склада?... Опять, наслаждаясь неторопливостью, заставив с полчаса обождать у стола, доберется паучек до ее бумажечки. "Ну, вот, и отлично... Теперь надо провести приказом... Зайдите денька через три..." Тут у счастливицы совсем лицо перекосит, и от волнения она даже слова перепутает: "Три дня через?... То есть, как это?!" И пойдет, и пойдет он, помахивая бумажечкой, доводить ее до слез.

Выдачу любой бумажки он превращает в пытку беженца. Он заставит его часами томиться в душных корридорах канцелярии; он по несколько раз будет принуждать "просителя" высунув язык бегать по всему лагерю в поисках начальства всех калибров и их всемогущих подписей. Любую ничтожнейшую формальность он окружает сотнями барьеров "порядка", "законности", которые все выдуманы лично им.

И каждый день, сотням и сотням людей, портит кровь, треплет нервы и пытается нас сереньки человек с бумажечкой в руках...

Ө

И снился мне сон... Настало, сбилось время... Родина была свободна!

Со всех концов земли русские люди возвращались в родные края...

И поездов не ждали, шли, пешком шли. И, казалось, отнимись у нас ноги от усталости - мы бы на одних руках поползли бы, чтобы только поскорее дотянуться до рубежа святой русской земли...

И я пришел с узелком за спиной опять на родину... Но кто-то меня послал там в канцелярию этапного пункта... И я увидел за столом старого знакомого из уголка лагерной канцелярии. Он чуть больше поседел, но такой-же спокойненький был и благообразный. Ишь, умудрился раньше нас на родину вернуться! На радостях, забыв о всех его пакостях, я полез обнимать эту старую крысу, и даже слезы у меня выступили от мысли: "Все, теперь все до единого, снова вернулись, навеки, к Матери - Родине..."

Но, он вежливенько страхнул меня и протянув сухую руку, сказал: "Давайте справочку..."

"Какую... справочку?"

"Что вы возвращаетесь на родину".

"Зачем, ведь, я же сам здесь на лицо... Ведь, я же русский..."

"Этого мало... Бумажечка нужна, подтверждающая, что пред'явитель ее - является русским и возвращается на родину; по причинам ее полного освобождения и призыва Временного Правительства от такого-то июня 1948 года ко всему русскому рассеянию в мире, за номером..."

Ө

И что вы думаете?... Этот серенький, страшный и ничтожный человек, он не пустил меня на родину.

Он отравил мне первое счастье: опуститься на родную, забытую землю, прижаться к ней, вдыхать ее аромат; первый раз в жизни лежать

на ней спокойно, как в детстве, засыпая на материнской груди. Без страхов, без метаний, чувствуя что время остановилось и вечно будет над тобою синее русское небо, и его больше никто у тебя не отнимет...

Он отнял его у меня еще раз и погнал за рубежи, за справочкой...

⊖

Я проснулся с мокрой грудью... и понял, что нет ничего омерзительнее русской канцелярской душеньки и паукообразного русского бюрократизма. Что, разумеется, канцелярщина и бюрократизм встречаются повсеместно, но нигде в мире они не приобретали масштабов народного бедствия, как это часто случалось в России.

И что мы все приложим все усилия, чтобы этим паукам не вить больше паутины на нашей родной земле.

оОо

3. "Лизетки".

После долгих мучительных колебаний и бессонных ночей, мы все-таки пришли к выводу: нет, об этом надо заговорить!...

А колебались мы и мучились потому, что в нас еще остались какие-то пережитки галантности, и поднять если и не руку, то перо на представительниц нежнейшего пола — нам казалось не по-кавалерски...

Так сказать, отхлестать и дать "березовой каши" существу в юбке?... О, нет! О дамах, как о мертвых, — ничего плохого! На крайний случай, пусть дамы сами себя секут, как это мудро сделала унтер-офицерская вдова...

Мы были уже готовы, в припадке сентиментальности, совершенно амнистировать женщин, о ксих будет речь ниже, как вдруг, нас осенила вещая догадка:

А не являются-ли эти особы не столько изящными объектами для наших реверансов, сколько опасными разновидностями п а р а з и т о в женского пола?...

И тут уж нашей галантности и сентиментальности не помогли никакие софизмы адвокатов. Суд присяжных сказал: "Да. Виножны!"

Считайте это длинное вступление за галантный поклон дамам, после чего мы приступим к сущности.

х

Всякий паразит, для своего размножения и приятного бытия, нуждается в благосклонной среде.

Такой питательной средой, в которой разводятся или заводятся паразитки, названные нами "лизетками" — всегда являются учреждения, распределяющие продовольствие в годы голода и бедствий.

Жадность и натиск, с какими "лизетки" прилипают к таким учреждениям, напоминает жестокость и наглость ос, расплождающихся в засухи и накидывающихся на людское жиль и снесь.

"Лизеток" порождают народные бедствия, голод и запах, струящийся из продовольственных складов. Тогда, они жадно и суетливо облепливают приемные и канцелярии тех, в чьих руках находится распределение вкусных и сытных вещей.

Мы видели рои этих алчных "лизеток" и в канцеляриях Красного Креста и Земства в первую мировую войну; и в Продовольственном Комитете Петрограда 1917 года, и в конторах складов Галлиполи; и видим их в канцеляриях УНРРА наших дней.

Культурный багаж "лизеток" — не велик. Знание нескольких, считаясь льком, фраз на том или ином иностранном языке, способность с грехом

пополам стучать пальчиком на машинке, да две-три манерки наспех усвоенные из популярного руководства "Хорошего тона".

А в остальном — мощная саранчевая страсть: "Жрать! Жрать!... Жрать возможно больше сладенького и вкусненького, а главное — жрать больше, чем остальные и не попасть в общий котел голода страшных годов!

Они вливаются как клещи в приемные и проникают в учреждения, с ловкостью фильтрующихся вирусов.

"Лизетки", почти всегда, — секретарши. Секретарши мужчин, ведающих распределением благ. Секретарши, прочно присосавшиеся к своим местам. Сила этого присоса к месту, более мощная, чем у клеща, — объясняется тем качеством, которое наиболее стихийно в "лизетке" — умением не щадя, так сказать, души — прийти по вкусу шефу.

Тут-то и разворачивается весь талант "лизетки"!

Никто с такой эластичностью и вертлявостью не вотрется в доверие к начальству, как она.

Она будет льстить, засыпать, как конфетти, начальство комплиментами; она будет целовать мордочки всем песикам начальства; она будет так заботиться, так нежно заботиться о начальстве, так трогательно оберегать его от усталости и несносных голодных просителей; так воспевать ум, остроумие, манеры и цвет лица начальства, и проявлять такую бешеную готовность отправиться с ним на машине, хоть на край света (ради любимой работы!), — что у любого новичка — администратора закружится голова, и он доверит "лизетке" все дела и все-го себя.

И вот эти девушки с осинными талиями и осинными аппетитами так густо и плотно облепливают начальство, что создается полная непродоходимость для простого беженца.

День за днем, "лизетки" берут власть в свои руки, и отныне уж в кабинет к начальству проникнет только тот, кто угоден "лизетке". Отныне "лизетки" — всемогущи. Они могут всё устроить тому, кто пресмыкается и заискивает, но уже не перед начальством, а перед ними, "лизетками". Они могут любому насолить, любому отказать в самой необходимой помощи...

"Лизетки" порождены голодом. Голод — вещь серьезная. Безусловно, пустой желудок снижает моральную устойчивость человека. Но, голод и проверяет ценность человека. Подлинные люди обычно голодают, не теряя человеческого достоинства, ибо, очевидно, у них кроме желудочно-кишечного тракта, — есть еще и душа. Существа же у которых желудочно-кишечный тракт заменяет душу — те, как мы видим в наше время, — способны за несколько папирос и кулечек дешевой карамели — пуститься во все тяжкие и ничем не побрезговать.

Мы апеллируем только к тем, которые голодают с соблюдением приличия и человеческого достоинства.

Да, "лизетки" — это голодные подхалимки и подлизы; да, это только милая мразь.

Но мы обязаны просить избавить нас от унижений и обязанности пресмыкаться перед паразитками, как бы приятно они не выглядели внешне.

Н. Горчаков.

М. ЗОЩЕНКО

Б А Н Я . И . Л Ю Д И

В свое время мы чего-то такое писали насчет бань. Сигнализировали опасность. Дескать, голому человеку номерки некуда деть и так далее.

Прошло несколько лет.

Затронутая нами проблема вызвала, конечно, горячие дискуссии в банно - прачечном тресте. В результате чего кое-где отвели особые ящики, куда каждый "пассажир" может класть свою какую ни на есть одежду. После чего ящик замыкается на ключ. И пассажир с радостной душой поспешает мыться. И там привязывает этот ключ к шайке. Или, в крайнем случае, он не выпускает его из рук. И как-то там моется.

Короче говоря, несмотря на это, вот какие события развернулись у нас в Ленинграде в высшем классе Таврической бани.

Один техник Н. захотел, конечно, после мытья одеться. И вдруг он с ужасом замечает, что весь его гардероб украли. И только вор, добрая душа, оставил ему жилетку, кепку и ремень.

Он прямо ахнул - этот человек. И стоит он без ничего около своего ящика - и прямо не имеет никакой перспективы. Он стоит около ящика в чем мама родила и руками разводит. Он ошеломлен.

А он - техник. Не без образования. И он прямо не представляет себе, как он теперь домой пойдет. Он прямо на ногах качается.

Но потом он сгоряча надевает на себя жилетку и кепку, берет в руки ремень и в таком, можно сказать, отвлеченном виде бредет по предбаннику, мало чего соображая.

Некоторые из публики говорят:

- В этой бане каждый день кражи воруют.

Наш техник, имея головокружение, начинает хворить уже на каком-то старорежимном наречии с применением слов "господа". Это он, навеянное от сильного волнения, порастерял некоторые новые свойства своей личности.

Он говорит:

- Меня, господа, главное интересует, как я теперь домой пойду.

Один из немывшихся еще говорит:

- Позовите сюда заведующего.

Баньщик в одних портках бросается к выходу, и вскоре он является с заведующим. И тут вдруг все присутствующие замечают, что этот заведующий - женщина. Техник, сняв кепку с головы, задумчиво говорит:

- Господа, да что же это такое. Еще того чище. Мы все мечтали увидеть сейчас мужчину, но вдруг, представьте себе, приходит женщина. Это, говорит, чтоб в мужской бане были такие заведующие - это прямо, говорит, курская аномалия.

И, прикрывшись кепкой, он в изнеможении садится на диван.

Другие мужчины говорят:

- Да, уж это ни к чему. Это аномалия.

Заведующая говорит:

- Для вас, может, я и курская аномалия. А там у меня через площадку - дамское отделение. И там, говорит, я далеко никакая не аномалия.

Наш техник, забывшись в свою жилетку, говорит:

- Мы, мадам, не хотели вас оскорбить. Что вы ерещитесь. Лучше

говорит, обдумали, в чем я теперь пойду.

Заведующая говорит:

- Конечно, до меня тут были заведующие мужчины. И на этой вашей половине они были очень хороши, но в дамском отделении они все с ума сходили. И теперь мужчинам назначения не дают. А дают женщинам. А что касается меня, то я захожу сюда редко и по мере надобности. И я от этого не теряюсь. А что я нарываюсь тут у вас на оскорбления и меня каждый моющийся обзывает курская аномалия, то я предупреждаю: каждого, который впредь меня оскорбит на моем посту, я велю такого отвести в отделение милиции... Что у вас тут происходит?

Техник говорит:

- Господа, что она ерепениться. Ну ее к чорту. Я не предвижу, как я без штанов домой пойду, а она не позволяет ее даже курской аномалией называть и грозит меня в милицию отвести. Лучше бы тут заведующий был мужчина. По крайней мере, он бы мне мог одолжить какие-нибудь свои запасные штаны. А что заведующая женщина - это меня окончательно побивает. Теперь я уверен, что из этой бани я несколько дней не уйду.

Окружающие говорят заведующей:

- Слушайте, мадам, может, тут у вас в бане есть муж. И, может быть, он у вас имеет запасные штаны. Тогда дайте им в самом деле на время. А то они страшно волнуются.

Заведующая говорит:

- В дамском отделении у меня полная тишина, а на этой половине происходит все равно, как извержение вулкана. Я тут прямо отказываюсь быть заведующим. У меня муж в Уфе работает, и ни о каких, конечно, штанах не может быть речи. Тем более, что сегодня это уже второе заявление о краже. Хорошо, что в первый раз украли мелочи. Тогда вот что, если тут у кого-нибудь есть какие-нибудь запасные штаны, то дайте им, а то мне на них прямо тяжело глядеть. У меня мигрень начинается от всех этих переживаний.

Банщик говорит:

- Хорошо, я опять дам свои запасные штаны. Но, вообще, надо будет шить, наконец, казенные. У нас часто воруют, и в этот месяц у меня прямо сносили мои штаны, - то один возьмет, то другой.

Вот банщик дает нашему технику ситцевые штаны, а один из моющихся дает ему куртку и шлепанцы. И вскоре наш друг, с трудом сдерживая рыдания, облачается в этот музейный наряд. И в этом нелепом виде он выходит из бани, мало чего понимая...

х х х

х

ИЗДАТЕЛЬСТВО " САРЫНЬ НА КИЧКУ! "

Конечно и в истории человечества, и в жизни, так сказать, одиноким личностям бывали и бывают еще такие досадные случаи, чтобы так, допустим, на большой дороге какой-нибудь мрачный дядя вам гаркнул: "Руки вверх! Портмоне или смерть?". Или в трамвае бесшумно вырежут карман лезвием всякой, так сказать, безопасной бритвы; или пока вы там с супругой наслаждаетесь в кинсе декоративным фильмом, в это время герои этого произведения искусства света и тени — энергично очищают вашу квартиру, забирая из нее даже пустые консервные банки. Повторяю: это всё бывало, мы к этому привыкли и смирились, ибо свобода инициативы личности требует жертв.

Но, чтобы вас грабили с криком: "Купите книжечку!" — это явление, прямо надо сказать, — до неожиданности новое. Оно, конечно, говорит о некоем культурном росте среди уголовного элемента; но, в то-же время, прямо таки навеивает острое печаль по поводу прогресса.

Оно, разумеется, отчасти лестно, что подобное новшество появилось только среди русских эмигрантов, ибо мы стали наводить справки среди немцев и других невеселых народностей, и нам прямо сказали: "Нет, у нас не наблюдается. У нас, по-прежнему, грабят под звуки "Руки вверх!" или в молчанку".

Мы хотим сказать, что буйная деятельность некоторых книгоиздателей, книгонош и книгопродавцев в лагерях русских беженцев стала за последнее время больше похожа на дружный налет лихой ватаги деятелей кистеня и дубины, которая с диким гиком: "Сарынь на кичку!!" — берет на abordаж мирную и жалкую ладью.

Мы утверждаем, что этот "Сарынь на кичку!!" — не имеет никакого отношения к доброму намерению дать духовную пищу алчущему несчастному беженцу, — а является актом уголовным, в котором роль кистеня и револьвера играет та или иная штука, изготовленная типографским или ротафорным способом, при помощи коей происходит очищение карманов беженцев и утолщение кармана того или иного жулика.

Эта вспыхнувшая страсть уголовного элемента к печатному станку, произвела на нас какое-то противоестественное впечатление и показалась нам "сплошным ребусом", да и только.

Вначале, мы даже подумали несколько возвышенно об этом низком факте: быть может, воры решили начать свою пропаганду печатным словом? (Ибо криминальная муть, так сказать, — учебные пособия по убийству и грабежу, — стала прямо таки затоплять лагерь) Может быть у жуликов появился план: привлечь к своему делу свежие силы из рядов беженцев, ищущих нового применения в жизни?...

Но, позднее, пришли мы к выводу, что причина этого "Сарынь на кичку!!" — глубоко прозаична и не имеет никакого отношения к романтике воровского дела.

Представьте себе, что живет среди нас человек, все мировоззрение которого без остатка укладывается в формулу "Жрать! Жрать! Жрать!" И хотя на всяких комиссиях он натайчиво повторяет, что покинул родину по причинам идейным и религиозным, — но всё это уворовано им из анкеты соседа по бараку. Все идеи его и воззрения уложены без остатка в вышеприведенную нами формулу.

И вот пробует этот "идейный эмигрант" грабить политических эмигрантов, продавая им черное мясо по кровавым ценам... Не идет дело! Как говорится среди мясников, "мозги не хватает". Взятся он покупать у немцев заваль всякую, по марке за штуку. Провезти ее из города в лагерь — безделка. Полчаса, всего навсего. А продать он уже

захотел беженцам не за три марки, а за все двадцать. Тоже не пошло. Жадность повредила. Тогда, как-то, жена ему бросила из глубины подушки: "Недотепа и сивая бездарь ты, Ваня! А не стать ли тебе книгоиздателем. Ведь, русский то народ жаден до книги, люди все кругом с идеями, просвещенные. Они на книгу шибче накинутся, чем на зубную пасту твою немецкую..."

Мы не ручаемся за стенографически точную историю рождения некоторых наших "книгоиздателей", но за внутреннюю направленность сего-полное ручательство даем.

Эти люди никогда в прошлом ничего общего не имели с русским печатным словом, и ничего общего не будут иметь с ним в будущем. Но, у них хватило смекалки подметить жажду русской эмиграции к духовной пище. Высокий смысл этой неутолимой жажды им никогда не понять, но заработать денюгу на этой жажде они непрочь. Книга, журналчик и брошюрка - для них это тоже "черное мясо", т.е. способ мародерски ограбить беженца, чтобы самому "Жрать! Жрать! Жрать!"

И большие и самые маленькие Сытины, Марксы и Павленковы, русские книгоиздатели, - имели что-то за душой, и в них жила вера, что они несут свет в народ. У владельца, неизвестно где скрывающегося, книгоиздательства для русских беженцев, под вывеской: "Сарынь на кичку!" - ничего нет за душой, кроме того-же торопливого страха, который терзает человека, распродающего ночью в лесу черное мясо, украденной и зарозанной коровы: "Скорее, пока не схватили!"

Он издает не то, что нужно издать, не то, чего жаждет душа читателя-беженца, - а то, что может с в о и м н а з в а н и е м о б м а н у т ь и з а с т а в и т ь п о с к о р е е р а с п р о с т и т ь с я с д е н ь г а м и д о в е р ч и в о г о п о к у п а т е л я .

Издательство "Сарынь на кичку!" печатает всё, ничем не гнушается, ничем не брезгает. Какое ему до того дело, что "сыщицкая литература" воспитывает в людях не столько сыщиков, сколько бандитов. Он будет заваливать лагеря самой пошлейшей "криминалистикой". Какое ему дело до воспитания нашей эмигрантской молодежи? Ему нужно не содержание, не смысл - а ходкие, вытягивающие денюгу названия, вроде: "Жак Кровавый или происхождения вампира мертвеца", "Тайна шестого ящика или жизнь палача".

Сонники, хиромантический бред, пошлятина, парнография - всё хорошо, всё ходкий товар! Главное - поскорее продать, пока не схватились или пока не схватили!

Мы не склонны к тому, чтобы отмахнуться от этой поганной саранчи и сказать, что это жулье исчезнет, как исчезнет бандитизм "черного рынка", как только придут нормальные времена; и что гангстерам книги не суждено попасть в историю русской книги.

Нас никак не устраивает эта точка зрения из общества "Я никого не ем!"

Дело в том, что издатели типа "Сарынь на кичку!" превратились в грозное бедствие для всей печати русской эмиграции. Они захватили в свои грязные руки немногочисленные русские шрифты в Германии. Они стали сплошной непроходимой стеной между честным русским писателем и читателем. Они заткнули ему горло. Русский литератор - не сыщик, он обождет.

Один из деятелей "Сарынь на кичку:" просто и грубо сказал русскому писателю: "Да, ну, вы подумайте: на какой чорт мне вас издавать-то? Ведь, вам я должен платить денюги, делиться? А тут, взял я какой-нибудь заваливающийся старый немецкий детективный роман-и делиться

меня ни с кем не заставят. И по любой цене расхватывают. Руки оторвут у книгонош! А кто купит вашу книжку? Ваша теть Маня, да жена?"

Мы решили взять читателя-беженца под свою дружескую защиту и начать войну против издательства "Сарынь на кичку".

Конечно, многого мы сделать не сможем, но одно дело, все-же, нам под силу:

В ближайшем-же номере нашего журнала, мы открываем отдел: "ЧЕРНАЯ КНИГА", который попытается устанавливать оградительные надписи, вроде: "Воду не пить - отравлена!", "Осторожно! Здесь грабят!", "Берегитесь! Пошлятина!" и т.д.

В этот отдел мы будем заносить новинки издательства "Сарынь на кичку!", от приобретения которых есть много резоннов уберечь себя.

Отныне мы постараемся не пропустить ни одного налета на карман читателя-беженца.

Мы уверены, что совместными усилиями с читателем - заставим жуликов очистить типографии и вернуться к исполнению своих прямых обязанностей: отмычке и спекулянтским махинациям с товарами "черной биржи".

Редакция.

ШИПЫ БЕЗ РОЗЫ

Нет, чтобы там не говорили, а первые всходы лицензированной прессы русских ДЦ - просто величественное событие в области нашей культуры!

Ну, за какую газетку не схватишься - прямо, оттуда прет и прет всяким духовным богатством. Прочтешь один - другой номерок, придумаешься на минутку, и чувствуешь: обогащен! умнеешь! просвещаешься, да и всё!

И даже милое калмыцкое издательство "Мана Зенге" серьезно взялось за просвещение на русском языке русских ДЦ. Вот, мы вам, дескать покажем русским, как надо газету издавать! Мы, дескать, не только в лошадях и кумысе смекаем!

И, надо сказать честно, - сильны, сильны эти сыны вольных степей в газетном деле. И первую лицензию получили, и первую русскую газету "Обозрение" обосновали.

Обогатительная пища это самое "Обозрение"! После сего обозревания, горизонт прямо до бескрайности расширяется, как в степях: кажется, нет ему и края!...

В номере втором сей газеты, некто Т.Новак, прямо таки, перевернул в нас все наши воззрения.

Он скромно и спокойноенько нам заявил:

"Учение духоборов может служить лучшим образцом христианского мировоззрения и практического осуществления в общественной жизни евангельского учения. Совесть каждого духобора действует почти безотказно, и потому общество духоборов не нуждается ни в каких мерах дисциплинарного характера. На всякое зло духобор отвечает добром,

и зло бывает побеждаемо"...

Ну, об этом не стоит даже и спрашивать г-на Новака. остались ли среди духоборов последние редкостные экземпляры, не причисленные еще к лику святых? И все ли они рекламируют свое учение со смелостью агентов, продающих средство "И я еще вчера был лысым".

А вот, в отношении вашей совести, г-н Новак, сразу видно - Вы не духобор!

е

А что касается красот русского языка и стиля, с которыми "Обозрение" рекламирует, но уже не духоборов, а предполагающиеся концерты, - так тут, прямо всем рецензентам русских газет надо идти к "Мана Зенге" на выучку.

Виртуоз по части хвалебных рецензий, некто г-н Веринцев, о грядущем концерте певицы Стефани, задыхаясь от восторга, восклицает:

"Рассказать о ней нельзя!!!"...

Но, вопреки сему, он тотчас-же пытается, весьма изящно и утонченно, рассказать об этом феномене вокального искусства:

"Кружевной рисунок нот мертв. (какой верный и чудный образ!)

Но когда в е л и к и й м а с т е р звука и настроений (!) творчески вводит нас в мир, который для многих п р е д с т а в л я е т е д в а у ш е д ш е е в ч е р а, а для большинства страницу истории русского барина и интеллигента, тогда н а ш е э с т е т и ч е с к о е п р е к л о н е н и е в е щ е й п е в и ц е й преображается в приятие того былого, без которого не было настоящего и не понять грядущего".

Разрядка и примечания в скобках, конечно, наши, но зато все остальные прелести целиком принадлежат утонченному перу г-на Веринцева.

Один абзац, но сколько в нем открытий в области грамматики, эстетики, лексики и науки!

"Мастер настроений" или "подмастерье настроений"? - разве это не восхитительно и точно!... "Преклонение вещей певицей" - это новая эпоха в русском зенге!... А "История Русского Барина" - так и видишь толстый том, с золотым обрезом, в бархатном переплете цвета анютиных глазок!...

Нет, как говорится: "Умри Веринцев, лучше не напишешь!"

о о о

Последнее время мы до удивительности беспокойно себя чувствовали. И елось нам плохо, и спалось из рук вон дурно. Ибо были мы в ожидании и томлении: что-то должно случится! Дескать, не сегодня-завтра, в так называемой печати русских ДП-с, - появится нечто раззаткое, что сразу оформит неясно бродящую в нас мысль и томление духа. Еще одна капля - и совершится долгожданный катализ!

И вот, раскрыли мы № 3 газеты "ЭХО" от 19 июня 1947 года, и... капнуло! Наконец, свершилось! - воскликнули мы облегченно, и сразу ясно постигли: чего-же это мы томились, и что-же это мы хотели давно сказать?

Но, прежде всего, что-же на нас так сильно капнуло?...

Мы пока затрудняемся точно определить то, что мы прочли на странице четвертой этой газеты. Внешне это выглядит просторным, как говорят газетчики, - "подвалом". Набрано в четыре столбца "корпусом". Буквы русские. Название: "Зластители дум". Подписано: "Г. Рихтер."

Набит же этот большой и вместительный подвал... Опять таки, трудно, весьма трудно точно определить: чем он набит? Пожалуй, если очень мягко и осторожно выразиться, то набит этот подвал бредом.

Как-будто, брал г-н Рихтер слова русские, долго искал самые лучшие варианты связать одно с другим так, чтобы это выглядело наиболее несуразно; вязал их по рукам и ногам друг с другом, и спускал эти фразы-чучела в свой "подвал".

И вот, бродят по этому подвалу какие-то призраки из бреда. Они внешне похожи на прилагательные, существительные и вводные предложения. А притронешься к ним - и ничего нет, один бред и мучительный кошмар...

И бродят по этому весьма темному подвалу такие чучела, как - "аморфное варевое", "необезличенные, они твердо держали первую шеренгу, представляя одаренность"... "спускаясь к проблемам"... "критиканов в ампула писателей"... "Популярность этого средне арифметического из Поздрева с Хлестаковым, как раз и есть следствие молитвенного преклонения..." и другая галиматья.

А над этим мрачным подвалом пропечатаны самодельные стишки некоего М. Омского, в которых сказано: "Страшнее татей - для нас угроза графоманов!"

Конечно, мы поняли, что эти стишки имеют прямое отношение к нижерасположенному подвалу под вывеской "Властители Дум", но, все-таки, редактор недоглядел: надо было сноску сделать: "См. ниже на этой-же стр."

Какую же мысль помогла прояснить нам эта галиматья, сочиненная каким-то Митрофаном на тему истории русской литературы? - спросите вы. Мысль эта насквозь печальна:

Какое-то страшное безвременье мы переживаем. За журналистику и дело редактирования газет жадно и цепко стали браться люди, которые природа от силы отпустила талант, не превышающий гения "холодного сапожника". Они то там, то здесь учреждают газеты "И шило бреет". Они подбирают себе сотрудников, о которых великий Щедрин сказал: "Литератор - не литератор, а в военно-учебном заведении воспитывался, так там вкус к правописанию получил". Этим "литераторам" и "публицистам" из газеты "И шило бреет" - "связать две мысли - труд совершенно анафемский", поэтому, они "детский разрозненный лепет "ба - ля - ма - а" выдают за ответы на запросы жизни". "Мысли у них в голове словно мухи без пристанища, там и сям вольно летают". И, как говорит всё тот-же мудрый Щедрин: "Поэтому проводится множество бессонных ночей, портится громада бумаги, чтобы в конце концов вышло: "на последнем я листочке напишу четыре строчки".

Газета для великомученического читателя, русского ДП, под названием "И шило бреет", без всякой правки, печатает любой бред своих сотрудников, которые до того упростили в настоящее время свою работу, что стоит им "только поплевать на перо, чтобы вышла прелюбопытнейшая статья".

Драгоценная в наши дни бумага уничтожается на то, чтобы печатать галиматью, состряпанную всякими Митрофанушками от публицистики и Митрофаном от истории и литературы.

Старинный российский Митрофанушка - был ленив и сиднем сидел. Современные Митрофаны - народ бойкий, напористый и пронырливый. Они всюду поспеют, всюду пролезут. И лицензии получают, и бумагу вагонами будут отгружать.

Написав левой ногой одну статейку под названием: "Еще раз о вывозе ДП на остров Пасхи", Митрофан непременно во всех анкетах начнет проставлять в рубрике "Ваша основная профессия?" - "Писатель".

Митрофан организует с разрешения властей "Вольный союз Пенкоснимателей", в уставе которого написано: "В члены Союза Пенкоснимателей имеет право вступить всякий, кто может безобидным образом излагать смутность испытываемых им ощущений"... "Отметчики и газетные репортеры, то-есть все те, кои наблюдают, дабы полуда на посуде в трактирных заведениях всегда находилась в исправности, могут вступать в Союз даже в том случае, если не имеют вполне твердых познаний в грамматике".

Митрофан стал монополистом. Мы обязаны платить ему дань и читать его безграмотную галиматью, ибо его пресса - почти единственная.

Страшное и унылое время!

Время, когда изготовлением духовной пищи занялись "холодные сапожники".

К этим холодным сапожникам, мы обратимся в заключении словами глубокопочитаемого нами М.Е. Салтыкова - Щедрина:

"Всякая отрасль человеческой деятельности требует и специальной подготовки, и специальных приемов. Сапожник обязуется шить не п р е м е н н о сапоги, а не подобие сапогов, и чтобы достигнуть этого, н е п р е м е н н о должен знать, как взять в руки шило и дратву".

Братья Зайцевы.

е е е

ЭКСТРАКТ ИЗ ВСЕХ РЕЦЕНЗИЙ О СОЧИНЕНИИ С. САВИНОВА.

Дяди, тети! Снова, снова
Вышла книжка Савинова.
И хотя она не нова,
Эта кухня Савинова,
За отсутствием инова,
Прочитайте Савинова.

Прочитайте, дяди, тети,
Интересное найдете:
Из земли растет трава;
В лес там едут по дрова;
На двоих своих ногах,
Ходят в самых сапогах;
Пахнет жареное луком,
А кругом такая скука!

Дяди, тети! Снова, снова
Вышла книжка Савинова.
И хотя она не нова
Эта кухня Савинова,
За отсутствием инова,
Прочитайте Савинова.

Орфей Тимофеевич.

ШЕСТЬ ТОЧЕК ЗРЕНИЯ НА МАЛЕНЬКУЮ, НО МРАЧНУЮ ИСТОРИЮ.

Уже давно известно, что в истории есть всё что угодно, кроме об'ективности. Кто-то даже осмелился высказать мысль: что история не наука - а самый неправдоподобный жанр литературы. И, в самом деле, историю писали всякие Пимены. Один Пимен мог хорошо выпасться в своей келии, встать в прекрасном настроении духа, потирая пергаментные ручки и напевая какой-нибудь радостный псалом, усесться и начать "еще одно сказанье"...И всё, чтобы не вспомнил он, представало перед ним в этакое приятном, малиново-розовом свете. И дела людские были преисполнены доброты, и все князья казались мудрыми и симпатичными.

Другой Пимен, накануне поел за трапезой тухлой рыбки, всю ночь промаялся, встал злым-презлым и ворчащим. И уж, конечно, из под его пера, та-же самая история ползет на пергамент черной-пречерной. Может быть, он просто напишет: "Всё блуд, злоба звериная в сердцах, да суета сует..."

Итак, к сожалению, историю писали всегда люди. А люди бывали разные. И вставшие с левой ноги, и насмешники, и скучные ворчуны.

Мы хотим попробовать нечто новое на поприще исторической науки. В поисках подлинной правды и об'ективности, мы дадим мелксе и прямо таки скрупулезное даже отчасти событие, какую-то молекулу историческую - одновременно освещенную с нескольких точек зрения разных людей и даже животных и вещей.

Ө

Место события-молекулы: ДП лагерь Мюнхен-Фельдмохинг. Под-езд у 71 - ого барака.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ НЕОДУШЕВЛЕННЫХ ВЕЩЕЙ: Вещи одной беженки были того мнения, что в это утро произошла некая катастрофа во вселенной. Их грубо хватали, швыряли, смешивали в невиданном ими доселе хаосе. Ванночка для ребенка проснулась от того, что в нее бросили подушку. На подушку полетели две селедки. Затем, всё это было засыпано мукой. Это было какое-то извержение, падение вавилонской башни предметов. И всё сопровождалось ором и грохотом человеческих криков. Затем, вещи почувствовали, что грубые руки отрывают их от пола и привычных мест, несут и швыряют в стоящую у под'езда телегу. И все вещи чувствовали боль от ударов о стены телеги, и им была непонятна беспричинная жестокость людей, с которой те причиняли им страдания.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ Г-ЖИ Х. - "Конечно, она тоже нетактично поступила. Была настолько невоспитана, что позволила себе родить ребеночка. Во-вторых, - чуткости никакой не имела: позволяла дитю пищать. А это

мешало духовной жизни соседке по углу, даме образованной и принятой в свете, с которой даже начальники дружат... Просто неделикатно себя вела. Ей говорит администрация по-человечески: "Уходите к чорту, в другой барак!", а она говорит: "Нет, не уйду!" Ей опять говорят вежливо: "Выкидывайтесь, немедленно!", а она говорит: "Нет, не выкинусь!" Вообще, жизнь в лагере скушная. А это, просто; неожиданное даже развлечение для барака оказалось, вроде "Тетки Чарлея" Бастунова, какой-то. Ну, прямо как там: шум, беготня, визг, крик! - а понять ничего нельзя. Ну, просто, до слез нахохоталась я... Только одно и осталось мне непонятным в этой водевили: зачем так много лагерных полицейских оторвали от их плодотворной работишки? Тут бы и один справился..."

ТОЧКА ЗРЕНИЯ Г-ЖИ Ц. - "Из-за этой старой интриганки - выбрасывает женщину с ребенком, как собаку! Она уже жакую комнату меняет, эта барыня. Всё ужиться ни с кем не может. Пошла, нажаловалась, благо добрые друзья в администрации, и теперь, для ублажения ее, выкидывают бедную женщину с ребенком. Ишь, целая орава! А один еще с резиновой дубинкой... Позор, да и только!"

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ЛАГЕРНОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО № 0 - "Нам всеедино кого выкидать и тащить. С младенцем или без младенца. Раз приказано, так поволокнем в часть и грудное дитё!... А резиновая дубинка у меня - просто красота одна, как у какого-нибудь, ну прямо, констебля мериканского! Ишь, как на нее глаза лупят... Боятся нашего брата. А лихие ребята! У любого дипшики, при виде нас, поджилки трясутся. Лю-ю-блю я эту работу! Завлекательная вещь. Куда там шерлокхольмсы всякие!..."

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ЛОШАДИ, КОТОРОЙ БЫЛА ЗАПРЯЖЕНА ТЕЛЕГА ПО НАРЯДУ НА ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ПОСТРАДАВШЕЙ: - "Первый раз в жизни, я не завидую человеку... Когда у меня был жеребенок - меня никто не мучил и не выгонял с конюшни. Да и попробовали-бы меня тронуть с жеребеночком моим рыженьким! Я бы их так лягнула, что они бы ноги вытянули!..."

НАША ТОЧКА ЗРЕНИЯ: Она ближе всего к точке зрения тощей лошади. И мы гордимся близостью взглядов с этим скромным животным.

И нам понятно, почему было пригнано на эту акцию так много полицейских. Ибо, даже из "Жизни животных" Брема известно, что кормящую самку нельзя трогать и угнетать. Она способна на всё, при защите своего детеныша. И это знают отлично все, даже самые дикие животные: что самку с детенышем нельзя трогать. Она может таких дел натворить, что тут и дюжина конных не поможет! Ну, эта, к счастью, не догадалась. Но на другую б нарвались, так пришлось бы сломя голову бегать, да бегать за подкреплением в штаб лагерной полиции.

И нам понятно, почему полицейские так энтузиастически выполняли свой веселый долг, и почему они самолюбовались своей выправкой и отвагой. Любят они, до чортиков любят свое дело! Нашего брата хлебом не корми - а только дай ему стать городовым. Ибо ничего нет слаще для души, чем ремесло "тащить и не пущать!"

И даже нам понятен финал этой истории: отмена принудительной выброски женщины с ребенком. Просто, много шума было. Начальство любит, когда такие прекрасные акции проводятся втихомолку.

Точка зрения того, по распоряжению которого было совершенно сие срамное дело, вогнавшее в краску даже лошадь, - бесполезна для пролития правды на эту историю. Ибо, всеравно он соврет. Брехней будет оправдываться. А брехня по колеру не подходит к об'ективности!...

Один из сотрудников нашего журнала имел неосторожность отправить письмо некоей французке, унровскому администратору лагеря, и теперь жалуется нам, что его человеколюбивое предложение не было удостоено решительно никаким вниманием.

Ну, что мы можем поделать?

Ну, мы посочувствуем. Ну, мы приведем это письмо полностью на страницах нашего журнала. А дальше, что?...

"В вашем замечательном и Вами талантливо руководимом лагере, на мой взгляд гуманиста, — отсутствует одна маленькая организация, чрезвычайно важного значения. Она настолько важна и нужна, что, допустим, в вашем лагере могло бы совсем не быть столь замечательных организаций, как "Бюро выдачи сигарет", "народного университета" и даже "квартетов имени Королевы, — но организация, о которой будет речь ниже, обязана была бы быть, даже если для этого потребовалось закрыть навсегда журнал "Искорку" и "обменный пункт".

На мой взгляд, отсутствие этой организации можно объяснить только тем, что во главе нашего лагеря всё время стояли холостяки и бездетные женщины.

Эта организация очень элементарная и, так сказать, "принята на вооружение" даже в очень примитивных человеческих обществах, —

о р г а н и з а ц и я п о м о щ и и з а щ и т ы м а т е р и м л а д е н ц а .

Для создания ее не потребуются ни ассигнования сигарет, ни дополнительных пайков, ни молебнов, ни банкетов.

Для этого только надо собрать в один зал всех женщин и девушек лагеря и сказать им: "Какой позор для вас женщины, что мысль создать организацию помощи матери и младенцу — пришла в голову не одной из вас, — а сухому мужчине, числящемуся в списках человеконенавистников!"

От утра и до позднего вечера, на всех магистралях лагеря, можно заметить толпы слоняющихся без дела девушек, в том возрасте, когда они еще считаются несколько молодыми для трудовой повинности, но уже выростающими из детской кухни. Эти питомицы детской кухни, в возрасте от 15 до 18 лет, через несколько лет станут матерями. И с точки зрения человеколюбия, и с точки зрения их воспитания — было бы более, чем благоразумно — заставить их (хоть час в день) проходить практику заботы о младенце, посылая их в наряд на дежурство к тем, многочисленным и несчастным, кормящим матерям нашего лагеря, которые выбиваются из сил и не могут сами справиться с тяжелым бременем ухода за ребенком в ужасных условиях лагерного существования.

Более-же почтенные дамы из этой "Помощи Матери и Младенцу" — взяли бы на себя почетный труд: ежедневно навещать матерей, узнавать о всех лишениях, помогать им и защищать их во всех отношениях.

Таким образом, может быть сразу сделано много приятных вещей, а именно:

1. Девушки будут проходить школу практики ухода за ребенком.
2. В пожилых и очерстевших русских дамах - будет разбужено и человеколюбие, и забытое доброе чувство материнства.
3. В Ваш адрес посыпятся поздравления в победе на фронте любви к ближнему.
4. Во всех матерях и младенцах будет бушевать благодарность по адресу мудрой и доброй УНРРА.
5. И даже я буду Вам признателен, что бывает со мной весьма редко"...

+

Вы спрашиваете: почему очаровательная администраторша положила это предложение под сукно?...Что вы, не знаете французанок? Они, известно, легкомысленно относятся к детям. Через то, у них вечно недород в населении.

Ну, понимаем, заинтересоваться дитей в осмнадцать лет, да если у него, к тому-же, усики милovidные пробиваются! Ну, а на что ей сдалась всякая мелюзга? Только пищит, да некрасиво марает всякие пеленки...

+ + +

Один из наших читателей прислал в редакцию письмо, письмо весьма серьезное. Так что, прочтя его, нам стало не до хи-хи" и "ха-ха". И мы сочли за благо: напечатать из него большую выдержку, в надежде, что она заставит призадуматься кое-кого из тех, кто на лагерных заставах власть имеет.

"...ведь, в конце концов, не внешние, "чужие" обстоятельства создают тот угар зла в нашей среде, в наших сердцах, - а подлость ближних из соотечественников: это те многочисленные комендантики, "начальнички", руководители работ, столовых, контор, комитетов и т.д., которые действуют как "фельдфебеля арестанских рот", это поджалимы, ханжи, усердно холуйствующие "помощнички" и т.п. и прочее в этом роде.

Необходимо кое-кого из них предупредить, иных спасти, иных поправить, ибо иначе их ожидает тяжелое будущее. Если мы когда-нибудь вернемся на родину, то, естественно, все они будут выброшены из общественной жизни: им не простится их пакостное "фельдфебельство" в эмиграции, их бюрократизм, их отвратительная трусость, унтер-пришибейство, усердие, граничащее с доношительством, методы "руководительства", в некоторых отраслях "догнавшие и перегнаввшие" методы фашистов и им подобных.

Если мы не вернемся на родину, то придет же время успокоения в мире, время, когда каждый из нас покинет лагерь, то есть, когда исчезнет нужда во всех этих начальниках, комендантах и лагерных чиновниках - и тогда то, те из них, кто "отличился" перед своим народом, испытают страшное презрение, а то и хуже, со стороны этого народа.

Нигде, пожалуй, так не видно чужих подлостей, как в эмиграции.

Г.г. Усерднохолуевы, Пришибеевы, Фельдфебелевы, Лицемеровы, Держимордовы и им подобные должны т е п е р ь видеть свои деяния, что б после не пенять на других.

Хуже будет (а в некоторых лагерях это и было), если кто-нибудь из соотечественников, выведенный из равновесия издевательствами Усерднохолуевых, ответит им тем-же, то есть донесет на них, ибо почти как правило, все наши Держиморды - "с прошлым".

Может быть, кто-нибудь из этих престаравшихся администраторов, узрев в "Веселом Листке" свою физиономию, прекратит самодурство, истязание своих соотечественников? Доброк работой, сердечным отношением к брату-беженцу, склоняясь всегда к христианской, а не погромной точке зрения, они безсомненно вернули бы себе доброе имя и будущее. Не так-ли?

Мы, ведь, народ не злопамятный..."

Ө

Один наш пожилой читатель предался мерехлюндии и написал нам мрачное письмо:

"Я так мечтал уехать на работу в Бельгию! А дни говорят мне: "Прыгайте в это окно - тогда поедете!" Я подумал: может это у бельгийцев юмор такой дружеский; ну прыгнул, конечно, с подоконника на улицу, метр всего высоты-то, думаю: потешу будущих соседей!... А они потом мне говорят: "Нет. Не подходите. Резвости и юности у вас в прыжке не наблюдалось. Нам нужна сама цветущая сила для угольных шахт"...

С той поры, я прямо запил, и так мне тоскливо и страшно стало... Вот разберут от нас всю цветущую молодежь, всех русских силачей-богатырей... Опустеет лагерь, и по нем будут слоняться только пожилые и старики. Забытые, брошенные и никому ненужные, ибо они плохо прыгают в окна, и у них бицепсы шестого сорта. Ничто не порадует их слуха и зора, ни юный смех в очереди за обедом..."

И т.д., и тому подобные мрачности развел наш читатель.

Нам хсчется ему сказать: очнитесь пожилой папаша! В какое время вы живете старик? Кому нужны сейчас старики и немощные? Скажите спасибо, что вы еще не попали на острова Фиджи. Там, вообще, стариков - к чертовой тете сбрасывают со скалы в море, что б их, бездельников, не кормить и не возиться с ними. Пожили - дайте и другим пожить, и не отравляйте нам настроения своими горбами и хилой походкой!

о о о
о

Пишите, сообщайте веселые факты, присылайте материал, рассказы, фельетоны и проч.!

адрес редакции "Веселого Листка":

SCHRIFTLEITUNG "WESSELIV LISS TOK"

BAVARN (138) SCHLEISSHEIM. POSTSCHLIESSFACH N° 12